

**Александр
КОСТЮНИН**

г. Петрозаводск

ИНГУШЕТИЯ

(Дневник поездки)

Посвящается
Лейле Якубовне
Арапхановой,
истой ингушке,
патриоту

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой...

Михаил Лермонтов

Мой дневник поездки – не жидкий ручеек воспоминаний,
не слащавый привет с телевизионного ток-шоу,
жителям родной деревни, не усыпляющее лёгкое чтиво.
Это – бурный поток с искореженными обломками XX века,
фрагментами людских судеб,
обрывками фото, слезами, «человеческими черепами,
застывшими в широкой добродушной улыбке...»

Я большей частью слушаю и подмечаю.
На страницах предоставлено слово
самому ингушскому народу.
По жанру текст ближе к стенограмме встреч,
бытописанию, путевым заметкам.
А по существу – боль.
По существу – сель.

Сель...

Прислушайтесь к грохоту его.
Сель – как литературный жанр.

ПЛАЦКАРТА

Хабар¹

Впереди идущий – мост для идущего следом.

Ингушская пословица

«Седина в бороду – бес в ребро!» – гласит русская поговорка.

Правы мудрецы...

Только старческие симптомы проявляются по-разному. Вашего покорного слугу на старости лет охватила тяга к бродяжничеству. Мне, как и Владимиру Маяковскому, «необходимо ездить». Что-то внутри не даёт покоя, не позволяет вести степенный, оседлый образ жизни, гонит в путь... Будто спешу напиться жизнью на излёте. Словно кто-то, помимо воли, грубо выпихивает меня за дверь, следом выставя нехитрые пожитки. Дверь захлопнулась, ключ в замке провернулся...

Стоишь спиной к родному порогу и остро понимаешь: предстоит тяжёлый маршрут.

* * *

Сосед Вася, как пограничный столб, всегда на посту.

Всегда последним провожает меня в дальний путь, первым встречает. И всякий раз перед трудной, долгой дорогой находит он слова ободрения:

От этого Терека

в поэтах

истерика.

Я Терек не видел.

Большая потерийка.

– Ты что, Маяковского, что ли... стихи знаешь?

Вася глумливо ощерился, не удостоив ответом:

– Опять на Кавказ, Александр?

– В Ингушетию.

– «Улетел на юг Пегас – неизвестно, на фи-га`с!»² Ну, правильно, поезжай хоть ты... кому-то ведь надо. Больше нема дураков.

Я занял своё место в вагоне третьего класса и устался в окно...

В Ингушетию поезда не каждый день, наплыв желающих невелик (тут Вася прав!). Но для меня это скорее плюс! Когда все уголки кавказской

природы будут описаны, обписаны... какой интерес? Однако как сложится поездка?.. Каждому со своей колокольни ситуация видится по-своему, какой она выглядит с их минарета? Встретят как?.. Что за народ ингуши?.. Вопросы, вопросы, вопросы стучали в мозг в такт музыкальной композиции «Пи эр квадрат». Ответа на них не было и быть в тот момент не могло. Благословение в дорогу получил, а там... О погоде на завтра узнаем послезавтра.

Шумные торговцы беспрерывно спуют по вагону, неся товар: кто мёд, кто пуховые платки, журналы, варёную картошку, горячие пирожки... У одного – целая корзинища с копчёной колбасой.

– Выглядит аппетитно, красиво, – дородная соседка шумно втянула воздух и полезла за кошельком.

С верхней полки хриплый голос:

– Красиво? А из чего она? Может, зарезали кого...

«Слава тебе Господи! Не ошибся поездом, на Кавказ еду», – облегчённо подумал я.

Женщина замерла на миг... затолкала кошелек обратно в сумку.

Голос сверху принадлежал хмурому мужчине спортивного телосложения. Звали его Кужи. Кужи родом из Южной Осетии, участник четырёх войн, поэтому все его шутки чёрные: на срочной службе угодил в армяно-азербайджанский конфликт; потом вляпался в выяснение отношений Северной Осетии с Ингушетией (друг позвал); затем в разборку Абхазии с Грузией; ну а то, что в родной Южной Осетии делил власть с автоматом в руках, так сам бог велел (я так бы сказал). Но Кужи в Бога не верит:

– Пусть Он сначала ответит мне: почему столько зла на земле? Пусть вера сама меня ищет.

А соседка из Кабардино-Балкарии, не купившая колбасу, вела беседы о хлебе насущном:

– Раньше в станицах многие держали скот, сейчас нет. У меня на подворье до двадцати свиней доходило да три коровы. Муж – водителем в совхозе. В кузове машины дырочку просверлил: на обед домой приедет, два ведра зерна ссыплет. Теперь совхозов нет, одни частники.

Жаловалась она на жизнь долго, занудно...

Её можно понять: на селе формируется, зарождается класс собственников, кузить, волянить, воровать у них несподручно. Как жить вольным людям – непонятно. Душно!.. Дальше так продолжаться не может.

На сей позитивной ноте, под квадрохрап соседей, я задремал...

Вагон плацкартный – передвижной российский базар с торговками, пересудами, спорами, храпом, ором, шуршанием, чавканьем, детским плачем, позвякиванием стаканов, задушевыми беседами. Для писателя плацкарта – творческая лаборатория на колёсах, заповедник людских характеров, образов. Хотя, если разобраться, вся наша жизнь «плацкарта». Катимся мы по жизни под стук колёс, созерцаем, глядя в окно, ахаем-охаем! А бывает, не вставая с места, сами становимся участниками событий: то сладкой задушевной беседы, то дрызг-склок... И уж кому совсем не повезёт, крушения.

«Каждому – своё», – приговор Цицерона обжалованию не подлежит.

Да, каждому своё. Моё – писать.

Писать в пору, когда читают лишь интеллектуалы, как во времена Пушкина, Лермонтова.

И обижаться тут не на кого.

Как там у поэта³:

*На лень мою я не в обиде,
Я не рождён иметь и властвовать,
Меня Господь назначил видеть,
А не кишеть и соучаствовать.*

У Васи сформировалось против Кавказа устойчивое предубеждение, переспорить его трудно, скорее невозможно. Он такой не один. Однако из года в год я обхожу республики Северного Кавказа, Закавказья, встречаюсь с уникальными людьми, посещаю достопримечательности рукотворные, природные, привожу из этнографических экспедиций тысячи снимков и пишу книги для тех, кто хочет узнать и готов полюбить Кавказ. Моя цель – найти позитивный материал. Шесть лет тому назад, путешествуя по Дагестану, я сравнивал себя с пчелой, кропотливо собирающей нектар. Годы идут... На пчелу теперь явно не похож... По комплекции – скорее шмель, по трудолюбию – не трутень!

Из пыльцы, нектара шмель тоже вырабатывает мёд, но уже в меньшем объёме.

Мёд – полезный, вкусный, сладкий продукт, хотя чуть с горчинкой (без горчинки – эрзац, подделка). Палглай⁴ изумлялись, почему не собираюсь писать о вещах негативных, зачем, кому, мол, нужны «потёмкинские деревни», эти лубочно-пырьевские картинки, лакировка действительности, отчего категорически отказываюсь писать про политику? Объяснял им, повторяю и читателям: политика, на мой взгляд, лишь ожес-

точает, озлобляет, ссорит людей. Когда мы говорим, думаем о позитиве, о духовном, нравственном, мы, словно аккумулятор, получаем зарядку, и наоборот, разряжаемся на брюзжании о несовершенстве мира... Негатива о Кавказе хватает без меня... Для того чтобы написать «чернуху», нет нужды тащиться за тысячи километров киселя хлебать, знакомиться с краем подворно. Негатив можно состряпать, черпая из бездонного воображения, как Вася – мой сосед. Часто в разговоре с ингушами я выступал в качестве адвоката, яростного защитника местных адатов, нравов... Чудеса! Вроде должно быть наоборот. Очевидно, те плюсы в менталитете кавказских народов, ингушей в частности, которые идут из глубины веков – туда даже страшно заглядывать, какая глубина! – ввелись в пот, кровь местного населения... Этих явных преимуществ сами кавказцы порой не замечают, настолько свыклись со своими традициями. Благородные черты, кодекс чести Эздел для ингушей, как нечто само собой разумеющееся. Как воздух! Бесцветный, без запаха, невесомый, но жизненно необходимый... То, что он целебный, животворящий, становится понятно, лишь когда на шланг наступят и подачу кислорода перекроют. Приедем эти плюсы хорошо заметны. Не со стороны, а именно изнутри, как мне... Однако написание путевых заметок сие не упрощает.

Работа на «четвёрку/хорошо» не нужна ни ингушскому народу, ни мне – никому.

Время такое... Космическое!

Самодетельность, «два прихлопа, три притопа», осталась в прошлом. Книга будет называться «Ингушетия (Дневник поездки)». Она должна стать лучшей в мире!.. Тогда про уникальный народ узнают все и судьба ингушей изменится к лучшему. Я буду стараться изо всех сил, но в одиночку такой вес не поднять. Поэтому всех мусульман при встрече призывал во время намаза не отвлекаться на второстепенные дела, не надоедать Аллаху житейскими просьбами, просить-умолять, чтобы книга эта ОБ ИНГУШЕТИИ стала ЛУЧШЕЙ В МИРЕ. Ведь если читать Аятуль-Курси, дуа не останется без ответа. А если ВСЕМ ИНГУШАМ просить об одном, дуа не останется... без ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ответа.

Что получилось в итоге, решать вам, дорогие читатели.

ПЕРВОЕ СЛОВО НА ИНГУШКОМ

Хабар

*Если ты знаешь ингушский язык,
уживёшься с любым народом.*

Ингушская пословица

Весной над Ингушетией висит аромат черемши...
Особенно в горах.

Оттуда, из села Мужичи, и начался мой тур по Ингушетии.

Несколько лет ученики и педагоги местной школы участвуют в конкурсе «Купель», давно приглашали в гости, и вот – решился. Первым делом, понятно! познакомился с руководителем образовательного учреждения (как говорится, де-довщину никто не отменял).

Директор ГКОУ «СОШ с.п. Мужичи», Т.С. Бесая, – филолог по образованию. Как у всех горянок, рабочий день у директора сельской школы начинается задолго до школьного звонка. Каждое утро, изо дня в день, Тамара Суламбековна выполняет традиционную женскую работу хозяйки дома, хранительницы очага...

А после, сменив форму одежды на официальную, служит святому делу – делу Знаний.

Весть о том, что в школу приезжает настоящий писатель, разлетелась моментально, повсеместно. К встрече, естественно, готовились, ребята выучили отрывки из произведений писателя, волновались... Но волнения вмиг улетучились, когда к детям вышел свой парень в привычной для кавказцев тубетейке. И этот, казалось бы, незначительный штрих сделал его своим, родным, близким, дорогим. Встреча плавно перешла в доверительную беседу, которой сегодня, в этой суетной будничной жизни, не хватает всем: и детям, и взрослым.

Живые глаза детей, вопросы с места, лезгинка, с блеском исполненная юными горянками и джигитами, общение в классе, уже в более тесном, уютном кругу. Всё замечательно! Но ярче других запомнился такой эпизод...

После творческой встречи Тамара Суламбековна предложила:

– Александр Викторович, сейчас пообедаем. Видели, где наш буфет?

– Видел.

– Идите, я закрою кабинет и вас догоню.

Общепит в отдельном здании, за школой. В состоянии эйфории, под ликующее пение жаворонков, ку-

паясь в лучах славы и горного весеннего солнышка, я шествовал по утоптанной дорожке. В буфете женщина уважительно поднялась и, добродушно улыбаясь, матерински участливо спросила:

– Чей мандила?

– ?! Да так... ничей... свой собственный.

«Бред какой-то... Вот оно хвалёное кавказское гостеприимство», – я силился улыбнуться... не получилось. Нервно взбрыкивая, возвращаюсь в кабинет. Настроение моё было непоправимо изгажено. Директор по лицу сразу догадалась: что-то стряслось. Секретарь перестала набирать текст на клавиатуре, завуч профессионально заглянула мне в самую-самую душу:

– Что с вами?

А меня и не требовалось особо упрашивать, честно выложил.

Директор от натуги согнулась пополам, учителей стало беззвучно трясти...

Нескоро допытался, что вопрос «Чей ман ди ла?» означает по-ингушки: «Чай будете?» Всего-навсего... В принципе, безобидный вопрос, хотя фонетика не сулит ничего хорошего.

На любителя...

Коронная фраза стала моей первой, твёрдо усвоенной на ингушском. Произношу её без акцента, смакуя. На этот вопрос отвечу в любое время без запинки, хоть ночью поднимут. Хоть на Страшном суде. Чтоб сам не забыл, напоминанием – кружка с надписью, торжественно врученная в школе на память.

Печатаю очерк, а она, родимая, стоит себе на письменном столе.

Стоит и напоминает о сказочном радушии ингушей.

МАХМУД

Хабар

Махмуд, зажигай!

«Белое солнце пустыни»

Признаюсь честно: если бы не такой провожатый, как Махмуд, никакой книги у меня не получилось бы вообще. Он знает Ингушетию досконально, и все знают его.

Это сверхинтересный человек!

Мне кажется, если б его жизнедеятельность транслировать по ТВ в режиме on-lain, как стройку космодрома «Восточный», население переключится с других каналов на этот, прилипнет к экрану – не оторвёшь! Причём не нужны никакие комментарии: просто Махмуд сидит, Махмуд ду-

мает... спит, принимает пищу. Лично мне интересно абсолютно все, чем он занимается. В царской России подобная рубрика в светской хронике была специально предусмотрена, отдельный раздел про монаршую семью извещал страждущих: «После обеда Николай II колот дрова». Что добавить к этой информации? Да нечего!.. Видя Махмуда на экране живым, здоровым, в реальном времени, лично я бы чувствовал большую уверенность в завтрашнем дне. Мне особо импонировало то, что Махмуд – мой ровесник, человек семейный, набожный, сам из добропорядочной многодетной семьи – их девять братьев и три сестры! «Мы сварим с ним кашу...» – первое, о чём я подумал, когда мне представили невысокого, круглого, в тюбетейке, добродушно улыбающегося проводника. А если добавить к этому филологическое образование, наличие собственной «Приоры» и необузданное желание показать Ингушетию во всей красе – вот вам и будет полная характеристика моего толмача. Малейший пробел в информации, любые паузы он с готовностью заполнял своей широкой душой, стоило только дать команду: «Махмуд, зажигай!»

– Александр, всё славно! Не знаю только, как вы будете спать?

– В смысле?!

– Ингушетия – республика крошечная, если вытянешься во весь рост – ноги окажутся у соседей. Мало-мало скандал будет, дихон⁵.

– Территориальный?

– Какой же ещё?... У нас на Кавказе все конфликты из-за того, что землю делят на ингушскую, чеченскую, дагестанскую, осетинскую – и не считают российской.

– Ладно, ноги подогну.

– О!.. Красавчик!

– Махмуд, зажигай!

– В Ингушетии не принято проводить время за бокалом вина, поэтому заздравных тостов не сочиняют. Устное народное творчество находит выход в ином жанре – «проклятья». И вот два миролюбивых ингуша обмениваются проклятьями. Один простирает руки в мольбе к небу: «Пусть у тебя в роду умрёт тысяча человек», второй парирует: «А в вашем тайпе пусть погибнет один, который кормит эту тысячу». Если правильно понимаю, тебе нужны не тысячи – «тысячники», кто духовно окормляет, просвещает ингушский народ.

– Да, Махмуд!

– Будем искать...

Повезло с провожатым! Теперь дело за мной...

Боян, автор «Слова о полку Игореве», призывал

не «растѣкашется мыслію по древу». Важно, чтобы на страницах книги читателю было одновременно комфортно и парадоксально интересно, интимно-трогательно и трагично до остановки сердца... до слез непрошенных, и вдруг радостно... смешно ухихикаться до недержания – как в советском общепите! Чтобы чувства варьировали от эйфории до Судного дня. Вот тогда на белом листе бумаги и проступит чрез корявые черные буквы Литература. Вот и будет всем счастье!

Однако чудо возможно лишь на пике вдохновения при встрече с Богом... Идти навстречу Ему помогут молитвы ингушей, но как... самому стать молитвой?

Как войти в восходящую волну?!

Разные существуют подходы...

Пробольшевистская богема Петрограда, например, по указанию Зиновьева снабжалась не только продуктами, но и кокаином, необходимым некоторым творческим персонам для вдохновения. В дореволюционных аптеках он продавался по рецепту как одно из лечебных снадобий. А деятели большевистской партии Лазарь Каганович полагал, что мемуарист-большевик не может и не должен просто рассказывать факты, он должен твёрдо стоять на генеральной линии партии.

О своей методике творческого уединения на необитаемом острове в Белом море без еды, с запасом пресной воды я писал ранее: «Перышки», «Вешки». Ещё один метод подсказал старец в Ингушетии: «В старину копали яму глубиной метра три, чтобы изолировать от посторонних шумов, но не «зиндан». Человеку опускали туда еду, питье, и он безвылазно, не общаясь с людьми, находится там сорок суток. Говорят, после этой процедуры пробуждаются скрытые возможности, многие из этой практики выходили, зная язык трав, деревьев, насекомых. Существует знание, существует мудрость. Как гласит древняя формула: «Мудрость находится в головах, внимательных к своим мыслям; знание находится в головах, внимательных к чужим мыслям». Когда вы находитесь в обществе, вы нацелены вовне, даже если такого желания нет. Сосредоточиться на себе трудно. Одиночество, отшельничество мыслителям предписано. Ну и, конечно, сочинителям показан горный воздух...

Для меня этнографические поездки с элементами попрошайничества на Северный Кавказ – эффективное средство от писательского климакса и бесплодия. Как почва в засуху ждет дождя, так писатель жаждет общения с интересным собеседником, с человеком-Судьбой.

– А кроме интересных людей вам нужны...
 – Махмуд, давай на «ты»!
 – Давай! ...Нужны амплитудные, яркие события, происшествия.

– Опять в десятку!
 – У ингушей есть формула «дик – мо» («хорошо – плохо»). Два полюса: свадьба, рождение детей – «хорошо»; смерть, похороны – «плохо». Однако что бы ни произошло, всегда в огромном котле варится мясо, а вокруг вращается вся остальная жизнь... люди, гортанный говор... Есть животные, о которых мы точно знаем: пришли к нам из глубин тысячелетий – черепахи, ящерицы, крокодилы... всякие панцирные... С тех пор живут, не видоизменяясь. Ингуши точно такие – они с момента мироздания тоже не изменились. Как камни, как горы... Котёл для нас не просто кухонная утварь, не столько ёмкость для варёва. Котёл с мясом – олицетворение союза четырёх стихий: металла, огня, воды и земли.

– Да, нужно искать символы...

– Будем искать! А сейчас едем размещаться...

На аншлаге, растянутом над воротами, висела угрожающая надпись: «ГБУ ЦВППМВС».

– Боюсь, мне ваш язык не осилить...

– Ты полагаешь, это на ингушском?

– А на каком?..

– На русском: «Центр военно-патриотического воспитания и подготовки молодёжи к военной службе». А вот что означают три первые буквы, не знаю даже я.

– Три буквы обычно не означают ничего хорошего.

– Вам, писателям, видней... Вот тут, в одном из домиков, и будешь жить.

Всюду благоухали груши, яблони в свадебно-белом цвету... Казалось, сами домики утопают в цветах и чарующе пахнут, настраивая совсем не на работу... Дурманящая красота.

И вдруг солнышко скрылось.

Одиночные капли.

Стал робко накрапывать дождик... смелее, смелее... Хлынул ливень, ветер стал порывистым, дерзким. Груши гудят, качаются, осыпая белый цвет. На улице сыро, зябко, и оттого в тёплом домике ещё уютней и теплей. А спустя час – опять солнышко!

Вечером выбрался на лавочку в парк... Кругом как в раю...

Прилетела ингушская ворона, думаю: «Она такая же ушлая, как наши, или нет?» Поклевала горбушку, закончив трапезу, сорвала листок одуванчика, укрыла кусок хлеба – заметно! – ещё листок, ещё, пока не спрятала надёжно. (Такая же!)

На следующий день прилетела, достала свою добычу, попробовала клевать – хлеб засох, не отщипнуть. С сухарём в клюве перелетела к луже, опустила в воду отмокать. (Ингушская круче!!!) Дальше за птицей наблюдать возможности не было, попросил сторожа Абу.

Тот обещал.

СВАДЬБА СЫНА СОЛНЦА

Хабар

Люди рождаются разными, и каждому под солнцем есть место.

Махмуд захлопнул водительскую дверку:

– Сегодня у нас по плану свадьба в селе Мужичи!

– На свадьбе уже был, село знаю. Вычёркивай!

– ...У жениха синдром Дауна, – настойчиво продолжал Махмуд. – По российскому каналу недавно слышал: восемьдесят пять процентов родителей в России от детей с таким диагнозом отказываются. В Ингушетии своих не бросают, дихон. Синдром Дауна – диагноз серьёзный, а тут ещё свадьба... Это даёт надежду другим людям. Поступок ответственный для той и другой стороны. Переступить молву, осуждение, пересуды – непорочно. Одно дело – видеться с таким человеком на улице, мимоходом, раз в неделю, другое дело – породниться. Называют таких «дети солнца».

– И?..

– Хорошо знаю семью жениха, отца. Магомед Бесаев – сам человек неординарный. Однажды он ехал в Назрань, два местных аксакала напросились к нему в попутчики; машина старая, и прямо на железнодорожном переезде – представь! – двигатель заглох. Тут поезд... Магомед выскочил из машины, орёт старикам:

– Выходите быстрее!..

А те:

– На всё воля Аллаха, – не вышли.

Он постоял и... обратно сел в машину, за руль.

Поезд на них летит, гудит... ближе, ближе, ближе... врезается. Машина всмятку, старики погибли, Магомеда врачи спасли.

– Махмуд, зажигай!

Повезло мне с проводником: у него буквально на людей, на события «федерального масштаба» – так условно называю материал, который интересен всей стране от Мурманска до Камчатки.

* * *

— Жениха зовут Абдурахман, – вводил меня в курс дела провожатый. – Хотя считается больным, вреда от него нет. Соблюдает все наши обычаи, уважает старших, и его не обижают. Он может зайти в любой дом, покушать, чаю попить. Никто не брезгует им, никто не возноится, не пренебрегает, не смеётся. Жалуют. Каждый человек живёт своим умом. Если ты человек просвещённый, цивилизованный, то не станешь насмехаться над ближним, над его слабостями, странностями, болезнями. Такой даже над собакой не будет смеяться.

– Согласен.

– На селе прекрасно знают: с ранней юности Абдурахман молился, просил у Аллаха себе невесту. Все сопереживали, однако считали: не женится никогда. Диагноз такой!.. А недавно ему девушку сосватали. Договорились уже, калым заплатили, наметили дату свадьбы, и внезапно родители невесты потребовали сверх оговорённой суммы ещё триста тысяч. Откуда у родителей такие деньги? Свадьба разладилась. Думали, всё – ничего не выгорело... Через пару дней узнаём: нашли другую невесту.

Мы свернули в сторону гор.

– Сколько помню, Абдурахман мечтал: «Жениться бы! Жениться бы!» Мне самому радостно: нашлась для него пара, девушка дала согласие... одним счастливым человеком на Земле больше. Представь, дети народятся. И слава Богу! Человек хочет жить. Хотя больной – не больной. Каждый человек хочет жить. Собака и та хочет жить. Земля круглая, вертится, закручена она не нами... Инвалиды, которые рядом, многим портят настроение. Их стараются избегать. Наивные, считают, их беда не коснётся. Нет. Никто не застрахован. В одном из хадисов сказано: «Никто не родился в рубашке чести, никто не уйдёт в рубашке чести». Все люди на Земле от Адама и Евы. У меня есть глаза, есть руки, есть ноги – мне проще, но я видел слепых, безруких, они находят мужество жить. У меня друг, бывший сотрудник ОМОНа, во время перестрелки получил тяжёлые ранения, стал инвалидом-колясочником. Жена, как беда случилась, наутро ушла. Но он не пал духом, нашёл девушку, которая согласилась за него выйти. Народили двух прекрасных детей. И никто – слышишь! – ни один человек в Ингушетии не упрекнёт их за то, что они счастливы, дихон.

– Махмуд, дай его адрес и телефон.

– ...Познакомлю вас. Говорят, кавказцы дикие, а нам кажется дикостью, когда в России самых близких людей, отца с матерью, сдают в дом престарелых. Будто немодную, ненужную вещь. Мать тебя но-

сила под сердцем, произвела на свет, кормила, воспитывала, надеялась на тебя, верила, любила... А ты в ответ... И когда от родного ребёнка отказываются, оставляют его в больнице – обычное предательство, в какие бы красивые цивилизованные слова не упаковывали суть. И кто из нас дикий? Вопрос. Если такое сделает ингуш, его не будут считать за человека, общаться не будут, проклянут. Мы старость уважаем, молодых жалеем. Каждый человек имеет свой изъян. Каждый, по сути, – инвалид. Просто его ущербность не всегда заметна и не всем. У каждого, даже сильного, бывают минуты слабости, когда человек нуждается в помощи, хоть не просит, не молит о ней. Человека нужно в такой момент не гнобить, не добивать, наступив на больную мозоль, – поддерживать. Не для него – для себя самого. Для спасения своей души. Такие у нас законы, традиции, адаты. Вы сами, наверно, чувствуете.

– Ещё как чувствую...

Мы въехали в село Мужичи. Опять Мужичи, куда ж без них? Все дороги ведут сюда.

Издавека можно понять, где проходит горская свадьба: вдоль обочины выстроились вереницы машин, кучкуются горцы, на дворе в огромном чане ароматно побулькивает мясо, радостно снуют детишки.

Махмуд нырнул в гудящую толпу, вернулся не один:

– Вот, Александр, познакомьтесь: Бесаев Магомед – отец жениха.

– Салам алейкум, – я с интересом разглядывал своего ровесника-ингуша.

Мы уединились с Магомедом, и я включил диктофон.

– Вы, наверно, слышали, первый раз у нас сватовство разладилось. Ломал голову: как сообщить Абдурахману? Расстроится. Как сказать, чтоб не искал виноватых, кроме себя. Придумал! До этого велел ему сидеть дома: по нашим традициям жених до свадьбы на улицу носа не кажет – он всё одно укатил на попутке к племяннику в Сунжу.

Объясняю ему:

– Ты ослушался родительского слова, родители невесты узнали: не соблюдаешь адаты, разгуливаешь по району, вот и отказались от свадьбы. Зачем им такой жених!

Голову опустил, помрачнел:

– Теперь буду тебя слушаться.

– То-то.

А сам давай искать ему пару с удвоенной силой, везде искать. Сын так хочет, настроился... И повезло, подсказали добрые люди девочку, под стать ему. Что могу ещё про сына сказать?... Читать не умеет... даун.

– Сейчас таких – большинство, – успокоил я. – Современный молодой человек!

– ...Так-то он работающий, помогает по хозяйству, что скажу, всё аккуратно исполнит: коровам сена поднесёт, ящики погрузит, навоз выкидает, в хлеву порядок наведёт... После него чисто-чисто; песок, гравий притащит, жерди из леса для изгороди. Бывает, сделаю замечание, поправлю – обидится. Напрямую не возразит, через мать: «Зачем он мне по два раза повторяет? Я сам знаю, как надо!»

Лезгинку станцует, ни у кого лучше не получится. Арабские нашивки под музыку напевает: слова не выговаривает, а мотив соблюдает. Молодые будут жить у нас дома, за ним ведь требуется постоянный присмотр, как за маленьким, до конца жизни. Бывает, у него спрашиваешь: «Почему так сделал? Я же тебе несколько раз объяснял, показывал». – «Не знаю... Так получилось». Что тут скажешь?.. Говорю: «Зачем туда поехал?» – «Ноги меня повели...»

– «Ноги повели!» Надо записать, – радостно встретился я. – Думаю, ответ Абдурахмана и мне сослужит добрую службу, например в беседах с женой. «Ноги повели!» – не придерёшься.

– Да, он мастер на всякие отмазки, уловки. Курит, но никогда не попросит: «Дай денег на сигареты! Папа, купи!» Нет. Это ниже его достоинства. Он мне невзначай, как бы сетуя на несправедливое устройство жизни, проронит: «У твоего сына нет сигарет». И гордо покинет сцену. Согласитесь, картинка уже рисуется иная: не он отвержен постыдной, пагубной привычке, не он, как маленький, «стреляет» чинарики, – нет! Я – невнимательный, никудышный отец. Чувствуете разницу?

– Как не чувствовать.

– Решил показать личный положительный пример и его увлечь: «Абдурахман, давай проверим, кто из нас настоящий мужчина, кьунах?! Давай бросим курить!» – «Забили», – тычет своим кулаком в мой кулак. (Откуда знает, как нужно пари держать, – понятия не имею.) Наутро смотрю, ходит по двору, дымит. «Абдурахман, ты чего? Мы же договорились бросить!» – «Так это было вчера...» Клянусь, рядом с ним почувствовал себя наивным ребёнком.

«Так это было вчера», – я записал в личную копилку и этот аргумент мудрого Абдурахмана, аргумент неубиенный.

– Бывает, у меня сигареты закончатся, ночь на дворе... Тихонько зайду к нему, чтоб не беспокоить, не будить, возьму у него из пачки пару штук – утром обязательно упрекнёт. Не зло, а так... снисходительно, сверху вниз: «Ко мне забирались воришки». И опять скажет не напрямую – как бы... с небес... обезличенная реплика в зрительный зал: укор Человечеству за низменные слабости, пороки, бездушие.

Марьям, мать жениха, светилась от счастья:

– Я всегда старалась угождать его желаниям, что-то просит – покупала, спать не ложится – не заставляла. Жалко его, очень жалко. И тяжело... В то время ведь ни памперсов, ничего. Клянусь вам, до утра не спала, лишь бы остался сухой. Искала для него спецшколу, но у нас не было тогда... Молилась Аллаху, просила, чтоб дал моему сыночку счастье, чтоб почувствовал он полноценную жизнь.

Он у нас очень ранимый, обидчивый. Отец только голос повысит, сразу идёт ко мне, жалуется. Объясняя, ведь папа любит тебя, хочет, чтобы ты рос хорошим. Головой мотает:

– Знаю, ты меня успокаиваешь!..

Я старалась с самого детства, чтобы побольше бывал на людях: на похоронах, на свадьбах. Радовался за друзей, когда женились, и сам всегда хотел. Сильно-сильно хотел. Не разубеждала, а сама думала: ну куда ему? И решила женить младшего сына. Он как обиделся: «Я чем хуже?» Знает: по ингушским законам первым женится старший.

– Буду искать ему невесту, – решил муж.

Сперва полагала, шутит... Но, смотрю, на самом деле стал искать Абдурахману девочку соответствующую... Другую за него не дадут, у тех свой мир.

Год назад купили ему спальный гарнитур.

Как-то лежим с ним на кровати, и вдруг он спрашивает:

– Мам, ты меня правда женишь?

– Конечно, женю. Для чего же, по-твоему, покупали новую мебель?

– Мамочка – ты у меня самая хорошая! – и давай целовать меня с ног до головы.

Мне так стыдно стало, что лукавлю... что вера моя слаба. А всё же червь сомнений в душе покоя не даёт, гложет. Допытываюсь:

– Для чего тебе жениться-то? – сама уже всякого в голове напридумывала.

– Хочу, чтобы жена встала утром, кушать приготовила, позвала папу: «Папа, садись за стол!» Хочу, мамочка, чтобы тебя она пригласила: «Мама, иди, накрыла на стол!»

Я как разревусь...

Односельчане радовались за Абдурахмана так, будто разрешилась, устроилась судьба их сына – не постороннего человека. И самое главное, счастливы молодожёны.

Я бы никогда не поверил в это, ежели б не видел сам.

MMS ИЗ ПРОШЛОГО

Малумат⁶

- Они взяли лучшие экспонаты.
- Я же сказал барышням: брать ковры похуже.
- Это же четырнадцатый век!
- «Белое солнце пустыни»**

Махмуд посоветовал встретиться с Ахильговыми:
– Ингушский войлочный ковер-истинг, слышал про такой?

- Нет.
- Вот и у нас почти никто не слышал. Возрождают древнее ремесло из небытия.

Я послушно созвонился, и мы встретились в Магасе, в кафе «Обанхо».

Седовласый интеллигентный мужчина представился:

– Ахильгов Герихан Мухарбекович, строитель по образованию, начальник проектного отдела дирекции Федеральной целевой программы социально-экономического развития Республики Ингушетия: проектирование и контроль исполнения проектных решений строящихся объектов.

– Это сильно страшно...

Действительно, меня сперва кинуло в жар, затем в холод, затем опять в жар.

Ведь нужен-то позитив! С качеством строительных работ знаком не понаслышке! Бескрайни допуски и посадки в России, как сама Русь. А ежели помножить общероссийские традиции сдачи объектов на кавказские адаты... Блоки оконные и дверные, стены, перегородки, кровля подтанцовывают лезгинку в такт шагам. У-уу! Лучше этот 25-й кадр деликатно опустить.

– Герихан, извините, я, верно, ошибся... Мне рекомендовали с вами встретиться по другому вопросу... творчество... возрождение войлочного дела.

– Ковры – наше семейное, с сестрой Райшат занимаемся.

- Сестра по образованию?..
- Швея-мотористка.
- Думал, опять скажете «проектировщик».
- Не бойтесь... А начало всему положил этот альбом.

Герихан возложил на стол пухлый фолиант ручной работы, с крышечкой из дублёной бычьей кожи, с мощными медными замками.

– Сколько себя помню, равнодушен к истории своего народа. Свыше предопределено, что в Москве, на книжном развале, не смог пройти мимо, отложив в сторону этот потёртый альбом. Я тогда заканчивал учёбу в дипломатической академии...

«Не ошибся, туда попал», – облегчённо выдохнул я.

– У торговки ветхой утварью под кучей журналов случайно заметил край обложки с надписью на ингушском языке латиницей: «Галглай...» Сдвинул в сторону пыльную стопку книг, освободил фолиант на свет. Не поверите, руки задрожали... На кожаной обложке тиснением надпись: «Галглай гларчож» – «Ингушские орнаменты 1921–1924». Оказалось, женщина родом из Казахстана, там она и встретила ссыльных вайнахов: чечены, ингуши? – точно не знает:

– С нами под одной крышей жили, питались из одной посуды...

– И что с ними потом? – спрашиваю её, у самого сердца замерло.

– ...Такие листы ещё дома остались, с узорами, – не слыша вопроса, продолжала она.

Отдал ей все деньги, что были с собой, посулил ещё, и на другой день она принесла недостающие страницы. Но о судьбе ссыльных так ничего и не сказала, как ни пытал её. Отводила взгляд, замолкала. Этот раздел советской истории – сплошное багровое пятно запёкшейся крови. Жизнь человека тогда ничего не стоила, за горстку зерна отдавали жизнь, не только вещи.

Находка альбома, реконструкция его, реставрация круто изменили всю мою жизнь. Я показывал рисунки учёным-этнографам, сам переводил авторские пометки, комментарии. Некоторые наброски датированы XVII веком. Это диво! Память о самобытной культуре нашего насильно депортированного народа тщательно стирали, архивы, библиотеки, научно-исследовательские институты советская власть уничтожала целенаправленно, документы, артефакты бесследно исчезали в годы войны в Грозном, Владикавказе. И потому такие манускрипты для ингушского народа – святыни. Извини, Александр, что хвастаюсь!.. Меня переполняет счастье.

– И есть чем гордиться заслуженно. Можно посмотреть?

Герихан бережно передал альбом.

Тяжёлый, – навскидку оценил я, – тяжёлый от слёз...

– Постепенно понял: случай позволил мне стать обладателем не просто набора выкроек модниц минувшего века, на страницах изображён не произвольный набор роговидных элементов, солнца, звёзд и солярного знака. Нет, орнаменты эти – своего рода летопись, старинный формат передачи информации. Каждый из рисунков – повествование о религиозном, военном, семейном ук-

ладе родоплеменного языческого общества ингушей, увековеченная череда побед и скорбь поражений. У ингушей не было своей письменности – чего не было, того не было – но на войлочном носителе информация передавалась. Если создавали большой ковёр – выходило полотно эпическое, если салфетка – своего рода MMS. По ингушской легенде, девушка, которую умыкнули, смогла из неволи через аппликацию войлочного ковра, через шифрованный рассказ о случившемся, языком орнамента передать на волю весточку о похитителях. Как правило, рисунок на ковре симметричен, линии непрерывны. Там, где симметрия нарушается, линии пересекаются – информация негативная: художник осуждает либо предупреждает об опасности. Подтверждением моих догадок служат рукописные пометки автора-коллекционера: «В Буро⁷ земля изобильная, благородная – баракат»; а этот орнамент повествует о том, что в «Ахки-юрт⁸ процветает кровная месть, нет единства».

– «Шершавым языком плаката» художник осуждает односельчан.

– Да. Под рисунками ковров указаны названия населённых пунктов, где они созданы: «Насыркортский войлок», истинги из сёл Мочхи-юрт, Фалхан, Бейни. Глава республики Юнус-Бек Евкуров, с трепетом перелистывая страницы, нашёл орнамент своего родового села Ангушт⁹.

В каталоге встречаются условные изображения животных, птиц: отчётливо обозначена голова барана, парящий орёл. Это характерная особенность! Выходит, народное искусство имело хождение в бытность язычества. После принятия ингушами ислама введён жёсткий ЗАПРЕТ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЮБЫХ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ.

Герихан подвёл меня к коврику на стене:

– Мы с сестрой в родовом горном селе стали возрождать утерянные традиции войлочного дела – это невероятно адский труд: сначала овец стригут, потом шерсть промывают, сушат, расчёсывают, вручную валяют. Затем полотна красят, сушат. В старину использовали натуральные красители из растений, цветов, корневищ кустарников, ягод, минералов, извести. На основе альбомных эскизов сделали выкройки-лекала, по ним наносим рисунок на фертаж, вырезаем, аппликации пришиваем, ковёр утюжим. У сестры с успехом прошли персональные выставки в Тбилиси и Москве, в Кремлёвском Дворце. Сейчас в коллекции Райшат больше двадцати ковров с различными орнаментами, цветовой гаммой и смысловым содержанием. Это реальные, воссозданные с научной точностью предметы мате-

риальной культуры. А ведь зачастую, прикрываясь патриотическими лозунгами, блефуют, торгуют воздухом... Шарлатанство!

Нужно опираться на подлинники! Мы стараемся собирать национальную ингушскую мозаику по кусочкам, пытаемся схватиться за соломинку, верим, что так спасём культуру, а значит, спасёмся сами.

После этих слов Герихана я вспомнил, как в каждом кавказском ауле мне доверительно показывали ветхозаветную лачугу Адама – своего односельчанина, – добавляя, что именно их диалект, их местное наречие, их родной язык и есть тот самый прапрапраязык всех времён и народов. Настоячиво выпытывали: согласен ли. Я, виновато потупившись, оправдывался: мол, точно не помню, много лет прошло, маленький был тогда. В общем, действовал строго по инструкции, услышанной в фильме «Джентльмены удачи»: «Основной упор делайте на частичную потерю памяти!»

В данном случае всё по-честному, по-взрослому, не понарошку.

К моменту разговора я чувствовал себя наполовину ингушом, потому прекрасно понимал: Герихан открыл не только ингушам – всему миру! – ещё одну страницу истории человечества.

«И ДИКИ ТЕХ УЩЕЛИЙ ПЛЕМЕНА...»

Хабар

– Вот у меня есть друг, тоже учёный, у него три класса образования.

Фильм «Джентльмены удачи»

Махмуд меня наставлял:

– Ингушетия, как российский парламент, – не место для дискуссии! Соглашайся, кивай, поддакивай... Ингуши не любят, когда им перечат, и слышат только себя.

– Никому не нравится, когда гладят против шерсти. А если?..

– Без если. Ты же не хочешь резни, мордобоя? Каждый ингуш считает себя учёным и ждёт обращения почтительно-восторженного, наравне с Юрием Гагариным.

– С Валентиной Терешковой можно?

– С Валентиной можно.

Он задорно хлопнул меня по плечу:

– Вспомнил одну притчу о гостеприимстве.

Приехал как-то в ингушское село писатель и спрашивает у горцев:

– У кого я мог бы найти ночлег?

– Конечно, у Магомеда: он встретит, накормит, спать уложит, только...

– Что только?

– У него есть одна особенность.

– Какая?

– Он каждого гостя избивает.

Писака почесал затылок, но ситуация сложилась безвыходная, ночевать где-то нужно, и согласился он стерпеть всё, даже побои. Постучался в дом к Магомеду:

– Можно ли у вас переночевать?

– Да, можно!

Хозяин показал, где привязать коня, принёс в торбе овса, позвал путника в дом, накормил и уложил спать. А тот крутится, не может заснуть, всё гадаёт: «Когда придут лупить?» Однако ночь прошла спокойно. Утром хозяин накормил литератора, проводил до ворот и пожелал счастливой дороги. А тот всё не садится на коня, всё ждёт-ждёт подвоха, не дождался и спрашивает:

– Односельчане говорили, будто вы постоянно избиваете?..

– До тебя приходили гости, которые забывали, что хозяин я. Ты же послушно делал то, что велят. Потому бить тебя повода не было.

Не давай повода, Александр: соглашайся, кивай, поддакивай. Побольше дифирамбов, полюбвей комплименты. Тогда не придётся выяснять: «Почему аборигены съели Кука?»

* * *

Махмуд явно передёргивал, касаясь манеры кавказцев вести диалог.

В Ингушетии я беседовал с людьми исключительно высокообразованными, лучшими из лучших. Никто из них... ни разу!.. не пытался доказать свою учёность мордобоем.

И Макшарип Чапанов не из тех, кто поминутно выхватывает кинжал из ножен.

Макшарип верит и в силу слова:

Слово побеждают словом,
оружие побеждают оружием.

– Собрался однажды на поезде в Москву, затаскиваю вещи, в купе сидят муж с женой – в мою сторону даже не смотрят, точно я дикарь. Ингуштина!.. Пришло время обедать: кавказцы же народ гостеприимный, не могу кушать один, неудобно... не полюдски это. А те сидят надувшись как клопы. Свёртки распаковываю, шуршу, придвигаю ближе к ним:

– Давайте знакомиться. Я ингуш, мы людей не кушаем, угощайтесь!

У мужчины в руках томик Лермонтова.

– Хотите, для знакомства почитаю что-нибудь из Михаила Юрьевича – это мой любимый поэт. Или из Пушкина, из Есенина – знаю все их произведения наизусть. Русские поэты, писатели стали великими только после путешествия на Кавказ.

И я стал цитировать любимого поэта:

Печально я гляжу на наше поколение!

Его грядущее – иль пусто, иль темно,

Меж тем, под бременем познания и сомненья,

В бездействии состарится оно.

Богаты мы, едва из колыбели,

Ошибками отцов и поздним их умом,

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,

Как пир на празднике чужом.

Нижняя челюсть у мужчины отвисла, жена разулыбалась.

Холод исчез...

– Лермонтова на Кавказе ценили даже больше, чем на родине. Чеченцы подарили Лермонтову белую бурку, чтобы случайная пуля не задела великого поэта в бою. Помните его поэмы «Демон», «Валерик», «Измаил-Бей»? – собеседники, уже не скрывая изумления, тарасились на меня.

И дики тех ущелий племена,

Им бог – свобода, их закон – война,

Они растут среди разбоев тайных,

Жестоких дел и дел необычайных...

– Жёсткий портрет Кавказа, – не удержался мой попутчик, – далёкий от лести.

– Михаил Юрьевич описывает истинные свои чувства: он, молодой повеса, дворянин, приезжает в чужой, неродной край из блестящей столицы, приезжает с оружием в руках, поработать – не в гости. Любой на его месте так бы мыслил. Я понимаю его лучше, чем кто-либо... Во время срочной службы в Чехословакии местный торговец мне заявил: «Оккупант! Иван, убирайся домой!» Тоже казалось диким слышать в свой адрес такие слова. Так и Лермонтову... У каждого народа свои представления о том, что правильно, что дико. Я служил в лётных войсках, замкомвзвода, старшим сержантом. Когда чех на ломаном русском упрёк бросил, я оторопел:

– Отец, – говорю, – ты вроде нормальный человек, на русском языке сносно изъясняешься. Не знаю, как ты, а я вашу историю изучал. Ты же славянин?

– А ты что, не русский, что ли?

– Конечно, нет... Я ингуш. Я не Иван. Я – Макшарип. Мы входим в состав Советского Союза, так же, как вы входите в Варшавский договор. Мы сюда пришли не силой – вы нас позвали.

Мнётся, чешет затылок, куда только вся агрессивность делась...

А я спокойно продолжаю:

– Во время войны мы вас защитили от фашистов, а то бы никакой Чехословакии, никаких чехов в помине не было. И ты такие дерзкие слова мне бросаешь в лицо, негодяй! Если бы ты тогда воевал против Гитлера с нашими солдатами бок о бок, ты бы сейчас такие слова не произнёс. Ты, похоже, фашист!

Старик рассмеялся. Мы подружились и потом братались до конца службы.

И в поезде та семейная парочка расслабилась, лица порозовели, стали кушать со мной, беседовать, смеяться, как с человеком... как с равным. Мужик хлопает меня по плечу:

– Макар, – меня близкие зовут Макар, – клянусь, до встречи с тобой не думал, что кавказцы бывают такие, по телевизору другое показывают. Нам скоро сходить, не поверишь, не хочется расставаться – так бы говорить и говорить с тобой! – Жена тоже улыбается, кивает.

Русским сюда нужно приехать, пообщаться. Пусть сами увидят, как здесь здорово!

А избранныкам Муз просто не обойтись без такого вояжа:

*Издrevле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.¹⁰*

Я с Макаром согласен полностью.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

Ахи

*Долг души – полёт.
Марина Цветаева*

Школа-интернат для слабослышащих и глухонемых детей в городе Сунже.

Асет Баркина.

Нет, она не глухонемая, нормальная. А вот я, увидев Асю, сперва на какой-то момент онемел... Когда сознание, речь, слух вернулись, включил диктофон.

Ася уже давно о чём-то увлечённо рассказывала.

– ...С 2012 года интернат находится под попе-

чительством Российского Императорского дома Романовых. Я работаю здесь воспитателем, преподаю историю.

Дети при поступлении к нам не умеют ничего. С помощью фонетической зарядки учим их произносить звуки, учим ребят читать, писать, шить, вязать, петь, танцевать. Учим их адаптироваться в сложном мире: сделать покупку в магазине, приобрести билет на поезд, самолёт. Это сложная задача. Не всё получается сразу. Есть девочка... Когда только поступила... Попросишь её прочитать стихотворение, ответить на вопрос... расстроится, начинает плакать. Хорошая, умная девочка. Ей помогали все. Теперь слёзы – в прошлом.

Недавно завуч вспоминала эпизод из своей школьной жизни: «Учились в пятом классе. Прозвонел звонок, учителя нет. Вдруг заходит классная и объявляет: «Ребята, занятий не будет, у Галины Семёновны умерла мама». – «У-рра!» – мы ничего ещё не понимали». И наши ученики тоже рады, когда урок отменят. Дети всегда дети! Просто наши и горе горькое, и радость выражают жестами. Педагоги, весь персонал тонко чувствуют этих детей, понимают как самих себя. Они нам как родные. Здесь иначе нельзя... Мы хотим, чтоб ребята выросли, вышли в люди, стали полезными своей республике, стране. И успехи заметны: Адам Хакиев – наш выпускник – занял первое место на чемпионате мира по греко-римской и вольной борьбе. Прославил Ингушетию, всю страну. Привёз на родину золотую медаль и с ней прямиком – к педагогу-тренеру... тренер тоже глухонемой. Говорить Адам не может, жестами показать – руки заняты. Повесил медаль на шею учителю и тогда объяснил на пальцах: «Это ваша заслуга!» Эмоции всех переполняют, хочется петь, кричать от восторга... тренеру тоже, а он в ответ лишь благодарно замыкал.

– Ты сама-то знаешь язык жестов?

– Да, без этого никак.

– Покажи!

Ася и меня обучила главным жестам глухонемых, к тому же язык этот международный: оказывается, указательные пальцы, направленные на собеседника, означают вовсе не устрашающий хулиганский жест: «Моргала выколю!», вполне себе миролюбивый вопрос: «Как дела?»; вместо «здравствуйте» здесь задорно чешут под мышками; «спасибо» – словно сидел на уроке, подперев кулаком щёку, закемарил и... кулак соскользнул вверх по лицу.

– Каждый человек – личность, каждый человек – необъятный мир.

Глухонемой человек – мир особый.

Уж на что у нас адаты строгие, и то в любом конфликте два глухонемых объединятся против своих ро-

дителей, против своей нации, против всех. Природа заложила в них такую особенность. Для них нет никого ближе, чем собрат по несчастью. Общий недуг связывает их сильнее традиций, кровности, гражданства вместе взятых. Для них не существует другого языка, другого цвета кожи, другой веры. Для них если хороший человек ещё и глухонемой – в два раза лучше. У них нет понятия «иностранец», для них не существует границ... Они как птицы.

– Не просто птицы. Курица тоже птица... А это – птицы небесные.

Интересно, наступит ли когда-нибудь на Земле такое время, когда все хорошие люди, независимо от религии, цвета кожи, языка, национальности, будут друг с другом так же солидарны, как глухонемые между собой.

Чтоб стать как птицы небесные...

ФИЛОСОФИЯ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Хабар

*Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.*

Валерий Брюсов

Признаюсь честно: изучать «человеческий материал» интересно, но крайне трудно.

Что впереди: «одуванчик» или «святилище»? Угадать заранее по анкетным данным, рекомендациям невозможно. Амплитуда доброжелательности, рода занятий, возраста, образования, вероисповедания, национальности, личных пристрастий, интеллекта собеседников прыгает от встречи к встрече, словно кардиограмма испуганного кролика.

Беслан Кокархоев бегло оценил меня и доверительно, по-ленински, сообщил:

– В хадисах сказано: «В День воскресения Всомгуций и Великий Аллах свернёт небеса, потом схватит их правой рукой, потом скажет: «Я Царь, а где же могущественные? Где высокомерные?» Потом Он свернёт земли левой рукой...»¹¹

Я, признаюсь, после этих слов на какой-то момент отключился, попытался представить себе то, о чём сказал Беслан, постарался увидеть эту картинку...

* * *

Ингуш – Беслан Кокархоев – мой любезный, глубокий, интереснейший собеседник.

По образованию Беслан...

Впрочем, образование тут ни при чём: университет таких знаний дать не в силах: родители, откровение, самообразование – вот, по-моему, триада роста.

– Родился в двуязычной среде. Покойная мать в совершенстве владела двумя языками, и я впитывал обе культуры. Когда спрашивают, кто я по национальности, всегда отвечаю: «Духом – русский, в душе – ингуш!» Разделить невозможно. Это сплав.

Русский язык – явление духа. Я до такой степени в детстве полюбил русский язык... Но если бы не знал свой родной, национальный, и признавался в любви к русскому... – это предательство. Я говорю на ингушском языке так, как играют виртуозы на музыкальном инструменте. Я – билингв. С помощью русского языка исследую ингушский. Как пламя и свет – суть две составляющих огня, так эти языки образуют во мне двуединство – один – лингвософский разум. Знать один язык – словно прыгать на одной ноге. Ни за что на свете я бы не отказался от своей двуязычной природы. Мне трудно представить свою душу, свой разум без сплава в моём сознании этих двух языков. Позже узнал, что и Лев Толстой – двуязычный, и Пушкин, и Лермонтов. Именно двуязычие позволило им достигнуть таких творческих масштабов, так развернуться. Писать, думать мне удобнее, легче на русском, вместе с тем я занимаюсь исследованием ингушского языка и культуры. Обладание русским помогает вести эти исследования, используя национальный язык, культуру как объект, а русский как инструмент исследования. Это удивительное сочетание двуязычия во мне помогло увидеть, что язык моих предков является не только средством коммуникации, но имеет сакральную, философскую природу. Другие языки сакральную природу своих языков по прошествии времени утратили – ингушский сохранил.

Философия языка – явление очень сложное. Философия языка ставит много разных вопросов: от отношения к сумме себя, своему собственному народу, до отношения к природе, космосу. Философия языка позволяет переформулировать себя, свой взгляд. Есть материалистическая трактовка бытия, есть идеалистическая. Разум неотделим от языка, язык – от разума. Есть язык-речь, есть язык-представление. Разум, как глас, проявляется в языке-речи – Я-душа. А разум-сознание проявляется в языке-представлении, Я-дух. И в словах каждого народа эти два языка слиты. Два полюса разума – глас разума и сознание разума, как активное и пассивное, сознательное и бессознательное. Разум двояк.

Твёрдое знание языка позволяет глубже понять человеческую сущность, по-другому посмотреть на

истоки цивилизации, понять задачу, стоящую перед всем человечеством. Ограничен ли человек тем, что появился как скопление биологических клеток и завершит своё существование с их разрушением. Или всё-таки он не есть продукт лишь высокоорганизованной материи? Есть ли у него перспективы за пределами материи, есть ли перспективы как у сознательной, разумной сущности по ту сторону бытия?

Когда формулировали философию материализма, то подводили в качестве основы историческую базу: по мере развития экономики общество развивалось от родоплеменных отношений к рабовладельческому, далее через феодальный этап к капиталистическому; в процессе менялись религиозные представления, философские взгляды, мироощущения.

Такое представление не отражает истины!

Это красивая, но далёкая от действительности формула.

Разум был, постигая самого себя, даже во времена примитивной цивилизации. Человек каменного века в набедренной повязке из шкуры использовал каменный топор и уже обладал магией. А магия всегда связана с божеством разума. Невозможно шаманить, не разбираясь в природе психики. Шаманы, ворожеи, колдуны обязаны знать, какова структура сознания, какие существуют полюса. Познание разумом самого себя существовало даже на самых ранних этапах, самых примитивных уровнях развития человеческого общества. Уже существовало! Каменный век не исключает возможность существования философии. Да, своя философия, своё мировоззрение, мироощущение, миропонимание были на всех стадиях развития человечества. На всех стадиях! Пещерной, каменной, палеолита, мезолита, неолита... Всегда! И явление языка, – вдумайтесь! – не имеет стартового момента. Момент старта, начала человеческой речи установить невозможно. В мире не обнаружено ни одного немого племени. Какие бы древние черепа ни находили, в каждом – элементы, позволяющие иметь язык, органы речи. Возведение истока человеческой речи к обезьяньим крикам-визгам несерьёзно. Представление о том, что человеческая речь появилась в процессе труда шимпанзе, в результате экономической, общественно-хозяйственной деятельности – утопия. Красивая, но утопия. Все эти факторы способствовали развитию речи, но потенция речи, внутренняя сущность разума существовала сразу, она лишь проявлялась в новых формах.

Открытие философии языка привело к принципиально иному взгляду на природу языка, на природу цивилизации. Социология – наука об общественных отношениях, их особенностях, закономерностях.

Откуда берёт начало эта наука? Человеческая психика социальна сама по себе, бессознательная и сознательная сущность её структуры – модель общества. Структуры разума общаются между собой, взаимодействуют – по законам общества. Индивидуальная психика уже социальна. По природе своей социальна. Дальше она разворачивается, обогащаясь опытом общества. Абсолютно невозможно индивидуальное и социальное противопоставлять. Общественные явления есть проявление внутренней социальности индивидуальных истоков, проявление воли. Какую б мы ни взяли отрасль сознания, философия языка позволяет посмотреть на проблему по-другому, иначе сформулировать вопрос и начать процесс переосмысления постулатов, ставших прописными. А что это? Что это? Что это? С точки зрения философии языка – всё по-другому. Человек – другой, разум – другой, природа – другая, космос – другой, религия – другая. Абсолютно всё имело другое первоначальное значение, которое в процессе эволюции видоизменилось, затёрлось историей. Утрата содержания подтолкнула человечество к необходимости придумывать, фантазировать, заполнять пустоты в знаниях. Ограниченный опыт возвели в ранг высшей инстанции, критерия истины! – и... пошли неверным путём.

Философия языка вновь возвращает человека к изначальной свободе и предлагает:

– Попробуй сам пройти весь путь разума, который прошло человечество. Попробуй посмотреть на всё сам. Оценить, осмыслить. Всё сам. Авторитетов нет! Великие философы – это хорошо, признанные учёные – здорово. Но философия языка напрямую, лично тебе даёт набор инструментов познания, помогает понять, как устроен мир. Слушай своё сердце. Интуиция тебе подскажет, что это такое. Интуиция даст совет. Попробуй сказанное перевести в родной формат, в логическое понимание. Именно твоя интуиция может открыть новые грани мироздания, доселе невиданные. Закон всемирного тяготения: Ньютону открылся лишь один из аспектов этого постулата. Слушай своё сердце! Кроме тяготения, притяжения есть ещё отталкивание. Одно без другого не бывает. Притяжение лишь часть сложного процесса. Одно притяжение ничего не объясняет. Начинаешь углубляться в проблему и понимаешь, что существуют скрытые центры, нематериальные... притяжения, отталкивания. Философия языка позволяет делать ревизию, но не с целью опровергнуть, перечеркнуть всё открытое наукой ранее, а с тем, чтобы шагнуть дальше, выявить новые грани. Мы же рассматриваем бриллиант, крутим... И каждый раз его грани выглядят по-другому, всякий раз можно увидеть новый ответ.

Открытие философии языка ставит вопрос о человеке. Оказывается, человеческая сущность языка не может быть произведением даже космоса, она не может быть продуктом эволюции космоса, её невозможно поставить в начале материального старта космоса – её нужно ставить до космоса.

Вроде бы парадокс: человеческая сущность была до космоса!

Как такое возможно?

Философия языка не объясняет как, но однозначно свидетельствует, указывает на это. Человеческая сущность, сокрытая в нас, – старше космоса! Биологическая, сверхбиологическая, физическая, сверхфизическая, плазменная – да, появились потом. Но духовная, разумная сущность, способная вести отсчёт до бесконечности, к каждому последующему числу прибавляя единицу, – этот дар не мог являться производным материального космоса, его продуктом. Сущность вошла в него. Философия языка поднимает человека на новый уровень, отрывает от приземлённости и... ставит на ступеньку выше материального космоса! Она не знает, откуда проложен путь изначально, хотя часть траектории маршрута, совершенно новый отрезок, открывает.

Человеческая сущность подобна искре, она крайне мала, но у неё потенция такая же, как у гигантского пламени. Человек мал как форма, как существо, но разум, заложенный в нём, искорка такая же, как у вселенского разума. Человек оказывается по своей внутренней сущности неизмеримо большей величиной. А раз человека мы ставим до начала космоса, земная иерархия не может довлеть над свободой человеческого разума. Никакие теории, учения не могут урезать масштаб человека, он оказывается бесконечно выше любых философских подходов... бесконечно выше. Поднять человека туда – на высоту, недостижимую для любых суждений, теорий – это как раз та задача, которую решает философия языка. Она рассматривает язык как проявление духа и души, через язык демонстрируя возможности разума, едва-едва приоткрывая возможности человека, обычно сокрытые драпировкой материальных слоёв энергии. Человек оказывается не дарвиновским потомком обезьяны. И нам уже не могут быть подсунуты теории материализма-атеизма под видом научных истин. Эти теории, точно гнёт, подавляют нашу человеческую сущность, словно пуги, треножат. Человек пытается под свой кругозор, уровень интеллекта подогнуть мироздание. Но образа, в абсолютной точности отвечающего человеческой сущности, найти невозможно. У образа есть непреодолимая граница... Полностью представление этого явления остаётся непостижимым, поскольку человеческое познание оперирует бытовыми, привычными тер-

минами, натываясь, будто слепой котёнок, на то, что окружает повсеместно.

Религиозные писания свидетельствуют: Аллах свернёт небеса, а землю сожмёт в хлебец, который пойдёт на угощение обитателям рая. Всё указывает на то, что человеческая сущность была до космоса, она больше его. И по логике: космос как материальная организация не имеет перспективы вечности. Он ограничен, конечен. А человек, по религиозному учению – православному, иудейскому, исламскому, – войдёт в рай и будет вечен.

Но как попасть в рай? (Хотя, если там нет русского языка, я туда не пойду!)

Древние считали: только творческий дух может привести человека в рай, поскольку в момент творческого вдохновения душа соединяется с духом. Дух вечен, душа смертна, временна, но в соединении с духом вечна и она. Древние считались с поэтами, преклонялись перед ними и позволяли им несравнимо больше, чем простым смертным. В «Илиаде» Гомер критикует весь Олимп богов, начиная с Зевса. Поэтам предоставлялось право критиковать божественное начало, поскольку дух, который пребывал в поэте, – старше космоса.

Если человек находит возможность для творческого процесса, для творческой самореализации – этому процессу должно быть подчинено всё остальное. Всё иное лишь содействует, сопутствует... – материальные условия, семья, жилище. Всё. Творческая самореализация – истинная. Можно слопать-сожрать стадо быков, миллион раз сходить в туалет – разве это самореализация? Можно построить пятьдесят небоскрёбов – кирпичи постареют, всё рухнет. Это тоже не то. Творческая самореализация – это ощущение себя, своей личности, осознание того, что внутри тебя есть нечто бессмертное. Душа – смерд, она знает, что умрёт. Я – умру. А что такое «Я»? Что умрёт? Печёнка, мозг, рука, нога? Есть сущность, подверженная смерти, есть, которая ей не подвержена. Творчество их соединяет, позволяя душе обрести надежду на бессмертие. Творчество есть величайшая тайна. Поэт – высшая организация материи, он слышит миры!..

*Поэт – он тот же акустик:
Когда скрежетнёт рядом,
Другие едва поморщатся,
У него – кровь кипит адом.*

– Точно!..

Число и геометрия максимально приближают нас к максимуму познания истины, дальше за числом – зона тьмы. Но меня как поэта всё-таки

интересует то, что находится там... за пределами... и проявляется как ощущение в моей душе, независимо от числовых, геометрических, топологических параметров.

*Не на земле начало знания.
Не на земле начало нас.
Есть, есть у космоса сознание.
Есть у него и тайный глас.
От звёзд до солнца свет единый,
Подобный душам, чую я.
И миф, умом непобедимый,
Объял все звёздные края.¹²*

Да, меня интересует, что находится за пределами... Интересует сильно.

И теперь, похоже, я знаю.

23 ФЕВРАЛЯ

Хабар

*Пусть на поле не вырастет цветок,
если он не в силах устоять против ветра.*

Ингушская пословица

День Советской армии, без сомнения, самая известная дата в памяти ингушского народа.

Трагически известная...

Слова «красный день календаря» в данном случае несут для ингушей прямой сатанински-кровавый смысл. Реки крови безвинных стариков, беременных женщин, детей пролиты в то морозное февральское утро. Ингуши – суровые, жёсткие люди, выдавшие виды. Но когда речь заходит о ссылке, плачут все... все как один. На людях – не на людях.

Именно 23 февраля 1944 года началась депортация чеченского и ингушского народов.

Село Алкун Сунженского района.

Именно здесь живёт Алаудин Оздоев, который не по книжкам и букварю – на себе изучал историю Советского Союза и помнит депортацию, будто она проходила вчера...

– Я родился в родовой башне в Бешти, чуть пониже Вовнушек. В одной башне нас жило две семьи. Мне было шесть лет, когда нас выселили. За две недели до этого к нам прибыли солдаты. Разбили палатки и встали лагерем поблизости. В гости наведывались, мать хлопотала: гость для ингушей – святой человек! Угощала их лепёшками из кукурузной муки с молоком. Молоко очень любили! А они нас баловали кусковым сахаром: большие такие бесформен-

ные куски с прилипшими ворсинками от мешка. Две недели жили, мы, говорят, будем охранять вашу скотину. Две недели так с ними, бок о бок, по-дружески. И вдруг вечером 26 февраля смотрим: идут к дому с фонарями – фонари керосиновые «летучая мышь» покачиваются на весу... Мы испугались: что случилось? Солдаты зашли в дом, и старший объявил:

– Завтра вас всех выселяют. Если бы от меня зависело, я б оставил... Вижу, вы люди мирные, работающие – наблюдали за вами – к вам никто не приходит и вы никуда. Мне очень жалко, но ничего не могу поделать. Приказ.

Мать как стояла, так и сползла по стене на лавку:

– Только нас выселяют?

– Нет. Всех. Три дня отправляют, вчера грузили последние семьи. Вы одни остались. Вас в холодное место посылают, за ночь нужно подготовиться.

Он поднял с пола войлочную кошму, достал ножницы и сделал выкройку обуви – навряд ли шитых валенок:

– Вот такие нужны каждому, иначе помёрзнете.

Один солдат стал делать выкройки, мать принесла конопляные нитки, принялась сшивать. Нас было четверо детей – каждому. Они ещё шили, когда я засыпал. С рассветом тронулись... Вся поклажа на себе, а много ли унесёшь на себе. Из личных вещей отец взял фамильный кинжал. (Кинжал этот побывал с ним в ссылке и вернулся назад – покажу потом.) Нам Аллах помог. На высоте двух километров в горах было сухо, мы в чунях спокойно шли. (Если снег или грязь, далеко у нас не пройдёшь.) До Таргима добрались, сделали привал. В Таргиме башен десять, большой тейп, а тут смотрим, всё брошено, людей нет, гарью пахнет, куриные перья повсюду рассыпаны, маленький телёнок бродит по пустырю. Отец пошёл осмотреть, может, остался кто... Я уявзался за ним. Скот, запертый в хлеву, стоит голодный, непоеный – отец стал выгонять на волю... В крайней башне дверь снаружи припёрта. Отец отомкнул дверь и застыл на пороге... попятился... Я из-за спины выглядываю: горы тел! Женщины, дети, старики – обгорелые скрюченные трупы.

Алаудин поперхнулся слезами, надолго замолчал:

– Тяжело...

Наши солдаты из конвоя опомнились, закричали на нас, отогнали прикладами. И опять в путь. Шли-шли, до села Алкун всё далеко, я начал отставать, присаживаться... Командир подозревал бойца, посадил меня ему на спину. У солдата скатка шинели, я прижался к тёплому ворсистому сукну, ноги свесил и незаметно заснул. Проснулся уже на месте, слез со спины. До этого в Алкуне был лишь один раз, гляжу и не узнаю села: скотина – сотни голов – бродит по улицам недоеная, некормленная, мычит, бле-

ет, ревет; брошенные лошади, коровы, овцы... И кругом солдаты, солдаты с автоматами, с овчарками. Две грузовые машины стоят – машину тогда увидел первый раз – огромные!!! Сюда в Алкун собирали ингушей, чеченцев с гор, многие пригнали скотину, надеялись взять с собой. Но здесь всех грузили на студебекеры, увозили вниз на станцию. С собой разрешалось взять один узелок. (Людей много – места мало.) А мы последние, и с командиром повезло, добрый попался. Он отозвал отца в сторону, дал пустые мешки, разрешил набрать пропитания в дорогу, что найдём. И мы восемь мешков кукурузы... – восемь мешков! – взяли с собой. Один только мешок с кочанами, семь – чистые зёрна. Солдаты сами мешки таскали. Кукурузу загрузили, командир командует:

– Теперь баранов давай!

Мы девять баранов забили, освеживали. Девять баранов! Как нам помог командир...

Отвезли нас на станцию в Слепцовск и давай грузить по вагонам, людей набивали плотно. В теплушке стояла буржуйка, на сутки давали ведра угля, дрова – на растопку. Тогда мы углём не топили. Не ведали, что за чёрные камни, зачем?! Тоже солдаты учили, помогали, а ведь они сами терпели голод, нужду...

Старики говорили:

– Лишь бы Сталин узнал про это, нас сразу вернут. Сталин хороший!

Туалета в теплушках не было, прорубили в углу дыру, занавесили кошмой, но что кошма... Как горюшкам справлять нужду в присутствии джигитов? Стыдно! Недопустимо! Невозможно! Ингуши народ гордый. Помню, красивая девушка в нашей теплушке менялась в лице, то краснела, то бледнела... Она приняла смерть, но не согласилась на бесчестие.

Разрыв мочевого пузыря...

Казалось, дорога не кончится никогда.

Нас везли и везли, везли и везли, неделю, две, три...

На восьмые-девятые сутки пошли вши. Мы завшивели окончательно. Снег шевелился, когда стряхивали с себя вшей. Только через три недели добрались до места: Казахстан, Павлодарский край. Добрались нормально. В дороге из нашей семьи умер лишь младший брат, ему годика не было. На каждой станции солдаты обыскивали вагоны: нет ли мёртвых. Его прятали всю дорогу, чтобы похоронить на месте по-людски... Но и там похоронить не довелось: зарыли, как стылое полено, в высоченный придорожный сугроб.

На станции нас стали выгружать, а местное насе-

ление застыло в ужасе, жмутся от страха друг к другу: им объявили «везут людоедов». Нас распределили по саням, так кучер даже не обернулся ни разу: думал небось, тут же съедят. Привезли на место: казахов почти нет – поволжские ссыльные немцы да русские раскулаченные – считай, цвет страны: самые работающие, предприимчивые, рукастые мужики. С ними мы хорошо, дружно жили. Работающие, трудолюбивые люди между собой всегда найдут общий язык. Расселяли нас в коношнях, клубах, землянках. Буржуйки ставили. Первые годы хватало всякого... Всего насмотрелся: люди умирали от голода, ели дохлятину, трупы. На кладбище вырыли яму с краю, копали могилы... Страшно. Эти человеческие черепа, застывшие в широкой улыбке!.. запомню на всю жизнь.

В сорок восьмом году вышел указ: ссыльным разрешили воссоединиться семьями – война многих раскидала... И люди после этого немножко вздохнули, зажили... Вернулись мы в пятьдесят шестом году – Хрущёв разрешил.

«Да, мало любить советскую власть – надо, чтобы она тебя полюбила», – подумал я.¹³

* * *

Мамилов Шамсудин Саварбекович.

– Наш дед Ахмет Мамилов часто вспоминал: «В Казахстане на станции семью погрузили на сани, повезли... Детей семь человек, мал-мала меньше – сугробы выше человеческого роста. Внезапно сани на кочке как тряхнёт – младший Суламбек... вывалился в снег. А сани идут себе друг за другом и идут, останавливать караван никто не даст: автоматчики держат на мушке, останавлиюсь – погублю всех. Я мысленно уже попрощался с Суламбеком и прикинул в уме: семь минус один – шестеро детей осталось: «Мне бы теперь хоть этих шестерых сохранить!» Доли секунды какие-то... не успел порадоваться, что шестеро живы, как Башир скопой ныряет в сугроб следом за младшим... Без спросу нырнул... ему самому-то семи лет не исполнилось. Подсчитываю: «Семь минус два – пятеро осталось. Пять всё-таки ещё что-то...» Сижу, усталый в спину возницы, а сам жду чуда, жду, может, дети окликнут сзади. Оглядываюсь, ищу их глазами. И вдруг вижу: над снегом появляется голова Суламбека – Башир поднял его на руках над собой.

– Стой! – хлопаю казаху по спине.

Расстреляют так расстреляют: на всё воля Аллаха! Думаю, раз Башир брата нашёл, то сам как-ни-

будь выберется, и правда... гляжу, Башир показался. Ползу по санному следу им навстречу».

Мой дядя Башир там погиб, а Суламбек, которого он спас, вернулся на родину, поступил на высшие режиссёрские курсы. На вступительном экзамене ему дали задание написать сочинение на тему: «Впечатления семилетнего мальчика». И мой дядя Суламбек описал день высылки ингушского народа из родных мест: «В три часа ночи солдаты стали ломиться к нам в дом, прикладами автоматов бить по двери, кричать: «Вас выселяют! Вас выселяют! Вас выселяют!» Дядя выучился, стал известным кинорежиссёром, работал на киностудии имени Горького, на «Мосфильме», снял культовый фильм по роману Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» и «Убийство на Ждановской». Может, для этого Аллах его и сохранил?

* * *

Писатель Иса Кодзоев.

– Считаю, моя биография началась с 23 февраля 1944 года. Я начал себя осознавать с того самого дня... До 23 февраля 1944 года помню отдельными стоп-кадрами... обрывочными кусочками, фрагментарно. А с того дня – всё в мельчайших подробностях.

Дед мой – герой Гражданской войны, знаменосец полка, участвовал во всех сражениях на Северном Кавказе за Советскую власть. Большинство ингушей и сегодня вспоминают Советскую власть с любовью, как ласковую маму – не коварную мачеху. Это очень необычный, загадочный феномен...

– «Дитя неволи – для свободы слаб. / Кто в клетке зачат – тот по клетке плачет».¹⁴

– Я помню, что сказали деду в вагоне, когда нас затолкали прикладами в теплушку, дверь за нами задвинули и поезд тронулся: «Ну что, Ильбуско, добился своего?»

Сказали исподтишка... Не в глаза. Дед мой – очень суровый человек, сам не шутил и другим не позволял. Взрывной человек! Дед никогда своей вины не признавал. Люди его побаивались...

Через день на станциях нам приносили бак с кашей и отпускали молодёжь за углем для буржуйки. (Набирали даже в карманы, чтобы принести побольше, – стояли морозы!) Прошёл слух: в соседнем вагоне лежит старуха, умирает... Ничего не говорит, бормочет одно слово, просит: Шура! Шура! Шура! (инг. молоко!) На станции её сын соскочил из вагона, где-то раздобыл бидончик с

молоком... Этот бидончик до смерти не забуду... Воздуха в теплушке не хватало, и тётя ставила меня возле двери, чтоб подышал хоть во время остановки: помню ноги солдата, и я стою рядом. И бидончик тот часто во сне вижу: зелёный такой, чуть помятый. Сын старухи бежит с ним к составу через пути, и тут поезд тронулся...

Все кричат ему:

– Султан, беги! Беги! Беги!..

Поезд обороты набирает, набирает... всё быстрее, быстрее...

Солдат понял, что тот уже не успеет запрыгнуть в вагон, поднял автомат и... дал очередь.

Во сне часто вижу падающего Руслана и белое расплёсканное молоко из бидончика, который он до последнего не выпускал из рук...

В нашем вагоне за время поездки одна женщина умерла – мать активиста, председателя комитета бедноты – комбеды были такие... Он ехал в нашем же вагоне, его так и называли «комбед». По-нашему «бед» – некрасивое слово, г... А в итоге характеристика человека получалась точная. Мать его умерла сидя... ночью окоченела. На станции её так и вынесли из вагона сидячей, посадили в сарай, куда трупы складывали штабелями, на ледяной пол, спиной прислонили к штабелю. Конвоир оставил пару затяжек и папироску ей в уголок рта вставил: старуха будто бы смолит самокрутку. Солдат смеётся-заливается, довольный...

Через три недели нас доставили на место и выгрузили в белый снег.

Мы южане: когда минус двенадцать, считаем – жуткий холод, а там мороз под сорок. В первую же ночь погибло много людей... замерзали. Утром наехали сани, со всех колхозов. Показывают ведь американские фильмы, как покупали рабов, – вот точно так. Председатель ходит, смотрит, хмурится, приценивается... Если у вас в семье, допустим, несколько мужчин, которые могут работать в колхозе, на плантации – забирали. А если в основном дети, старики – брать не хотели. Обуза!

Ваш покорный слуга видел кучи мёртвых людей... Труп на трупе... Труп на трупе.

Нас взяли.

Отвезли в Кустанайскую область, Северный Казахстан. Бескрайняя степь, на всю округу два дерева, они росли в нашем селе, – две вербы. Каждую зиму мы отрезали от них по одной ветке, украшали чем могли и отмечали Новый год. Удивляюсь тому, что из нас вообще кто-то выжил. Со-

ветская власть зачищала старательно и вроде бы сделала всё, всё продумала до мелочей, – ей не в чем себя упрекнуть! – чтоб мы все там сдохли. Все до одного. Ссылные называли нас «божьи лвы». Ингушам неведом страх смерти, в сапоге у них нож, в ответ на любое обидное слово – кинжал идёт в ход, тормозов у них нет... Нас гнули, ломали, расстреливали, били, сажали, морили голодом, морозили, но на колени поставить так и не смогли.

В нашем селе была старая церковь, в ней размещался зерносклад, за ней летом росла роскошная шелковистая трава... Когда голод миновал, наши мужики ходили туда... немножко... за воротничок принять. И вот однажды сидят пятеро наших джигитов, выпивают, меня отец взял подать-принести. Зияутдин поднял тост:

– Какой красивый мир создал Всевышний, как я люблю этот мир...

Идут мимо хмельные целинники, и вдруг из уст этих пьяных механизаторов в адрес Бога летят последние, самые грязные слова. А мусульманин не имеет права смотреть на это безучастно... (Хотя выпивать тоже грех!)

Зияутдин помрачнел:

– Небо опустилось на мою голову, – он поставил свой стакан на траву и уточнил у отца: – Может, я ослышался?

– Нет, Зияутдин, у тебя со слухом всё нормально.

– Ну, тогда этот поганый рот больше никогда не произнесёт ни одного плохого слова в адрес Бога...

Глаза у него налились кровью, вскочил... выхватил кинжал... троих зарезал, двенадцать человек поранил. Ему дали большой срок, хотя за год до этого он спас девочку из пожара. Очень добрый был человек. Говорят, «кровожадный ингуш» – это как «масло масляное».

Неправда!

* * *

Ингушских писателей гонения, ссылка вдохновили на создание романов, поэм...

Лейла Харсиева призналась:

– Первые стихи появились в ответ на обвинение, брошенное мне в лицо уличным торгашом-армянином во Владикавказе. Он понял, что я ингушка, по платку, укрывающему голову, и прошипел: «Недаром вас высылали!..» У меня комок к горлу. Сказать ничего не могу... Выбежала из лавки не помня себя, вернулась домой и написала первое стихотворение «Исповедь»:

*...Народ вайнахов был приговорён...
Всех в Казахстан... На ссылку...
Всех в загон...
А дальше слёзы, горе матерей.
Испуг в глазах беспомощных детей.
Стонали горы, небо и земля
И потрясённая жестокостью луна,
О, мать-природа, где же ты была,
Как допустить могла ты столько зла?!
Но почему же в этот скорбный час
Вы, горы, не обрушились на нас?!*

Это был ответ ему.

Я от руки написала, наутро пришла в лавку и положила стихи на прилавок:

– Просто прочитайте!

Говорить не могла... душили слёзы.

Мы встретились спустя пару лет... Выхожу из маршрутки, чувствую, меня кто-то за руку останавливает. Стало неловко... У нас не принято хватать женщину за руку, я не могу такое позволить. Одно дело дома, а на улице!.. Обращиваюсь – незнакомый мужчина:

– Вы меня помните?

– Нет.

– Стихотворение!.. Вы принесли в мою лавку стихотворение.

– А!..

– С тех пор ищу вас... Как увижу платок в толпе... Всё хотел найти вас, попросить прощения. Извините меня за те слова!

* * *

А поэтесса Лейла Тамасханова, взволнованная чередой бед, свалившихся на долю матери, сочинила оду... моркови:

*Я моркови оду посвящу,
Только б не раскиснуть и не сбиться,
Непременно оду посвящу,
Я заставлю ваше сердце биться.*

*Это лакомство измученных детей,
Сладкие гостинцы Казахстана,
Говорят, морковь с тех пор красней,
Что так много горечи вобрала.*

* * *

Не отмолчался и Махмуд.

– Горькая, но правда: выселение помогло ингушам оторваться от пуповины язычества. Ведь на горе Мят-лоам в трёх святилищах ингушей, посвящённых божествам Мятцели, Мятар-Дала, Сусан-Дала, совершали первобытные обряды вплоть до тридцатых годов. А в ссылку святилища не увезёшь, мы могли взять с собой только мусульманскую веру.

Старики в дороге подбадривали молодёжь, успокаивали: «Не в силах Советская власть выслат нас в такое место, где будет недоступна милость Всевышнего. Это испытание нужно пройти достойно». И повторяли из раза в раз пословицу: «Пусть на поле не вырастет цветок, если он не в силах устоять против ветра».

Махмуд поведал необычную легенду:

– Спецпереселенцы не могли свободно перемещаться не только внутри страны, но даже из села в село. Я мальчишкой был, но помню, ходили среди старших разговоры: «Жалко, нет среди нас Мусы, – сокрушались старики: – Был бы он – было бы легче».

– Почему легче? Где этот дядя Муса? – допытывался я у отца.

– Мусу надо видеть, так словами не объяснишь.

Дядя Муса появился через год после смерти Сталина. Он приехал на новенькой «Победе», машине невероятно редкой по тем временам и роскошной для степей Казахстана. Сам при этом был в ватнике, галифе, тельняшке, в наколках, с полным ртом стальных зубов. Старейшины начали совещаться с ним, а наши отцы и матери разглядывали «Победу», было что-то в этой машине особенное. Как оказалось, – и старейшины его поддержали, – после смерти Сталина, пока в стране неразбериха, Муса предложил вернуться на родину, в Назрань. Старики приказали всем готовиться в дорогу, а дядя Муса раздобыл двухсотлитровую бочку, инструменты, окна «Победы» занавесил кошмой, чтоб снаружи не было видно тех, кто внутри. Он где-то достал крупномасштабную карту и часто просиживал над ней долгие вечера, тщательно изучая маршрут.

Как только сошёл снег, он ушёл в первый рейс с ещё оставшимися в живых мужчинами. Потом он перевёз бездетных женщин – они должны были успеть засеять землю. Потом – подростков, потом – женщин с детьми постарше, потом – с грудными. Последними он перевёз стариков и старух. Днём он вёл машину по объездным просёлкам в обход городов и крупных населённых пунктов. Ночами же гнал по асфальту. Несколько раз он не

сумел избежать встречи с милицией. Одному Всевышнему известно, как ему удалось уладить те встречи.

Раз в двое суток он останавливался подальше от людских глаз, чтобы поспать два-три часа. Он был молчалив и сосредоточен. До снега он перевёз всех людей своего тейпа на родину.

Он сделал двадцать семь рейсов. То есть двадцать семь раз туда и двадцать шесть раз обратно. Больше трёх тысяч километров в один конец в набитой людьми и грузом «Победе». За семь месяцев он проехал более ста шестидесяти тысяч километров и перевёз полторы сотни человек. Он спас наш род и вернул нам родину. Когда он сделал это, он заснул и больше не проснулся. «Победа» выдержала, а его сердце нет.

* * *

*Я ваш товарищ, мы одной породы, –
Побоями нас нянчила страна!¹⁵*

Я слушал Алаудина, Ису, Лейлу, Махмуда, слушал рассказы других ингушей-очевидцев о страданиях вайнахского народа, про голодных полураздетых солдат, вспоминал своего репрессированного деда, маму, пытался понять, кто выиграл от этих лишений, и... не понимал. Заходил с другого края: какую выгоду получило государство? Пытался найти хоть одного выгодоприобретателя, хоть малую зацепку и... не находил. Самые-самые везунчики – народы, которых расквартировали на место высланных. Но эти «везунчики» были силой, под дулами автоматов вырваны с корнем из родных аулов, от могил предков, как, например, в Цунтинском районе Дагестана: дома горцев сожгли, чтоб не было даже соблазна вернуться. Кто ещё?

Я пытался мысленно примерить китель отца народов, влезть в его шкуру, душу, встать на его позицию и... не мог.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Хабар

*У людей, войною опалённых,
Свой, особый взгляд на бытие.*

Якуб Патиев

*Всё честно рассказать?.. Ой, не!
Зачем нам эти беды?
Заместо правды о войне
Споём про День Победы!*

Всякий раз, как речь заходила о Великой Отечественной войне, Махмуд мрачнел:

– Слухи о том, что ингуши не воевали, – лживы!

Он показал фотокопию газеты «Грозненский рабочий» за 12 декабря 42-го года. Среди материалов статья писателя Петра Павленко «Газават» – рассказ о том, как на огромном митинге в селении Базоркино ингушский народ по призыву Кази-муллы объявил священную войну «газават» фашистским захватчикам. Объявил гласно, всенародно, как общую волю всех достойных мужчин: «К оружию, ингуши!» – пронеслось от селения к селению, от дома к дому, от сердца к сердцу. И возникло движение, полное страсти и фанатизма...

– Но отец не ценил свои ордена, и я малой играл ими, точно погремушками: «Зачем такие награды, – негодовал он, – раз выслали меня и весь народ».

Историческая справка

Ингуши приняли участие в составе Красной армии и Военно-Морского флота на всех полях сражений и морских театрах Второй мировой войны наряду с другими представителями народов, народностей и наций бывшего Советского Союза. Из 32 тысяч воинов тогдашней Чечено-Ингушетии около семи тысяч составляли этнические ингуши (Ибрагимбейли Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989, № 4. С. 62.). Уже в самом начале войны в ЧИ АССР «были сформированы 242-я горнострелковая и 317-я стрелковая дивизии, в 1942 году – 255-й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк (сражался в составе 51-й армии) и чечено-ингушский кавалерийский дивизион, состоявший только из добровольцев» (Подвиг народа Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне // Газета «Зов времени». 2000, № 7). Кроме того, «на многих фронтах войны успешно громили врага 110-я, 114-я Чечено-Ингушские... кавалерийские дивизии...» (Ибрагимбейли Х.-М. Северный Кавказ: геноцид, депортации и ЧП //

Независимая газета, 1994, 12 июля). Первой удар немецких полчищ приняла на себя Брестская крепость, в составе гарнизона которой находилось 40 ингушей.

С первого дня войны Красная армия бесперебойно снабжалась горючим, военным снаряжением, боеприпасами и продовольствием из Грозного и всех сёл республики. Предприятия Грозного производили до 90 наименований военной продукции, ремонтировали военную технику. Население ЧИ АССР передавало в фонд фронта деньги, драгоценные украшения, лошадей, теплую одежду, продукты...

Малгобекская военная операция. В Большой Советской Энциклопедии 1954 года опубликована скромная справка об этом сражении, по сути определившем судьбу обороны Кавказа и Сталинграда: «В ходе Малгобекской операции войска Закавказского фронта активной и упорной обороной не только сорвали захватнические планы врага на Кавказе, но и не позволили ему осуществить переброску сил с Кавказа под Сталинград, что явилось одним из условий для последующего полного разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве» (Боков А. Операция, преданная забвению // Газета «Зов времени». 2000, № 7).

Из войны 1941–1945 гг. СССР вышел победителем. Более 2 тысяч сынов и дочерей Советской Ингушетии остались лежать на полях сражений. 46 человек были представлены к званию Героя Советского Союза (Ингушетия: Исторические параллели 19.03.2010 «Ингуши на фронтах Второй мировой войны». Из истории моего народа – Хамарз Костоев). Лишь трое из них получили это звание через 50 лет после войны: Мальсагов А.Т. (посмертно, в 1995 г.), Оздоев М.А. (в 1995 г.), Костоев Ш.У. (посмертно, в 1995 г.).

Ингуши воевали, воевали героически...

Однако лично меня больше всего поразил другой факт (никто и не сомневается в героизме ингушей!). Меня буквально ошпарила информация о том, что сталинская клика, задумав депортировать ингушский народ, отзывала горцев... с передовой! С фронтов! Боевых офицеров, солдат, в наградах и нашивках за ранения, – иными словами, настоящих героев. Я до последнего не мог поверить в эти рассказы, пока лично не встретился в городе Магасе с живым очевидцем тех абсурдных событий, ветераном Николаем Дмитриевичем Гайтукиевым. Он подлежал высылке с фронта, как и все остальные земляки, но при содействии командира роты совершил подлог документов! Оформил себе новую солдатскую книжку, куда вписали «неподсудную» национальность. Только ценой обмана он смог остаться в окопах и продолжать с оружием в руках защищать нашу сумасбродную Маму-Родину.

Историческая справка

Всего, по данным ОСП НКВД СССР, среди отозванных с фронта и подлежащих выселению было офицеров – 710, сержантов – 1696, рядовых – 6488. В целом в рядах поселенцев (с учётом представителей всех переселяемых народов) оказались 5943 офицера, 20209 сержантов и 130691 рядового состава. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (их заменяли справки), им запрещалось ношение погон, холодного и огнестрельного оружия. По прибытии в места поселения они ставились на спецучёт в комендатуре (С. Хамчиев, газета «Сердало» № 138(9513); вторник, 7 декабря 2004 года, «Ингушетия в войнах России»).

* * *

В России 45 городов воинской славы. Малгобек – один из них.

Присвоение ингушскому городу высокого статуса – ещё один шаг по реабилитации народа. Поисковики Республики Ингушетия, участвуя в «Вахте памяти-2016», организовали полевой лагерь СКФО. Я побывал на раскопках в районе сельского поселения Вежарий, на местах боёв, познакомился с ребятами, побеседовал с председателем Регионального отделения Бесланом Дзейтовым:

– Много бойцов – защитников Отечества – лежат в окопах, огневых точках, присыпанные землёй, самим временем. Их имена неизвестны, но они герои. Предстоит огромная работа по поиску, поднятию останков, захоронению их со всеми почестями.

Не знаю, как это объяснить... В первую ночь, когда лагерь только начал свою работу, я видел жуткий сон: будто четыре бойца стоят рядом и смотрят на меня. Понять не могу: что хотят? Вроде ничего плохого не сделал. А за спиной у них знакомое место, узнал его. Проходное место, мы даже не собирались вести раскопки. Наутро в первую очередь там и начали копать... Что вы думаете? Подняли останки четырёх бойцов. Именно четыре бойца – ни больше ни меньше, в одном окопе. И всё, сон прекратился. Как понимать?..

Я до последнего не верил... Думал, мало ли. Ну просто сон и сон.

Видно, есть что-то такое.

Дочь Асият и сын Юсуп помогают отцу, каждое утро отправляясь с ним на «передовую» – так поисковики называют район раскопок, где проходит линия фронта, где враг остановлен. Отсюда на-

чалось его отступление, отсюда фашист пятился, пятился... пока не упёрся спиной в своё логово. Но война закончилась, а «передовая» осталась.

Передовая – нашей памяти.

Передовая – защиты Отечества.

Передовая – патриотизма.

ИСХОД ПЕРВЫЙ

Малумат

*На одном поле не уживаются
крапива и кукуруза.*

Ингушская пословица

Есть и в современной истории Страны башен трагичные страницы.

Яхья Хашагульгов, бывший председатель райисполкома Сунженского района, поведал о страшном исходе из Ингушетии русского населения, предки которых жили на этих землях более двух веков:

– В лихие девяностые национальные конфликты захлестнули нас, начались убийства. Пошла молва: «Надо из Ингушетии бежать, бежать, бежать». И сперва казаки, затем всё русскоязычное население потянулось из города Карабулака, из станиц Троицкой, Орджоникидзевской – в Ставрополь, Краснодар¹⁶...

Яхья Магомедович ничего не скрывал...

Потому его рассказ даже в сокращённом виде приводить не стану. Картины жёстких гонений, неосторожно оброненное слово могут стать причиной нового всплеска междоусобиц. И назначать виноватых, судить... тоже не стану.

Кто я такой, чтобы судить?..

Нас всех по намерениям и деяниям нашим, по ошибкам или бездействию, по мыслям светлым и чёрным – будет судить Бог. А трагические события 1991 года так и останутся чёрным квадратом.

ИСХОД ВТОРОЙ

Малумат

Время уносит горе из сердца.

Ингушская пословица

Говорить беспристрастно о горе людей, ставших близкими, не получится, как ни старайся.

Трусливо смолчать – нечестно. (Зачем тогда вообще браться за перо...) «Писатель с перепуганной душой – это уже потеря квалификации». ¹⁷ А врать – не

могу. (Иначе б занимался политикой...) Пригородный район сегодня – один из символов республики! Кто так не считает, просто не бывал в Ингушетии.

А первопричиной трагичных событий послужило желание Отца народов, товарища Сталина, часть этих самых народов уничтожить. Он оставил о себе память, которую смело можно назвать бессмертной: в День Советской армии чеченский и ингушский народы поголовно депортировали в Казахстан «без права возвращения». (Думаю, долго ещё вайнахские народы будут скрипеть зубами в ответ на поздравление с Днём защитника Отечества...) Остальные события, вплоть до трагедии в Пригородном районе, костяшками домино – безвольными доминушками – валятся одно за другим. Но, бесспорно, депортация народов со своих исконных земель –

Доминушка первая

Вопрос, который сейчас затрагиваю, страшен ужасом абсурда.

И, повторюсь, любое неосторожно брошенное слово может невольно привести к новой волне кровавых конфликтов. Даже если буду искренен в своих заблуждениях – это не оправдывает. Как известно, «благими намерениями...». Поэтому не стану давать личных оценок – слово самим ингушам – очевидцам событий. Главный редактор общенациональной газеты «Сердало» Якуб Патиев предоставил мне такую возможность, снабдив копиями газетных материалов. Итак...

Доминушка вторая

26 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР по инициативе ингушских депутатов принял Закон РСФСР N 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». Статья 3 п. 2 гласит: «Реабилитация предусматривает возвращение народов, не имевших своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР». Ингуши на радостях п. 3 уже не читали: «В процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территориях репрессированных народов». Равно как не читали и Конституцию Российской Федерации, статью 67.3: «Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия». А 3 июля 1992 г. Верховный Совет РСФСР принимает Закон РСФСР N 3198-1 «Об установлении переходного периода по государственно-терри-

ториальному разграничению в Российской Федерации». Статья 3 предупреждает: «Самовольные захваты территорий и изменение территориальных границ запрещаются. Любые действия, направленные на самовольные захваты территорий и изменение границ в Российской Федерации, являются преступлением против России и влекут уголовную ответственность согласно действующему законодательству».

Доминушка третья

На страницах газеты кипят нешуточные страсти. Все нервы накалены до предела, терпение иссякло... Газета «Сердало» 4 августа 1992 года в №88 (8185) опубликовала на первой странице «Резолюцию чрезвычайного съезда ингушского народа», который прошёл в г. Назрани в РДК. Пункт первый предписывал: «Административный, промышленный и культурный центр Ингушской Республики должен быть размещён в городе Владикавказе». Пункт второй: «Считать необходимым проведение выборов в парламент Ингушской Республики на территории Назрановского, Сунженского районов и Пригородного, Малгобекского районов в границах 1944 года не позже сентября 1992 года». Редакция в своём комментарии осторожно напомнила, что вопрос «с определением срока выборов» должен решаться Верховным Советом РСФСР. Было ещё немало материалов, которые предостерегали горячие головы от скоропалительных, необдуманных решений. Так, газета «Сердало» от 11 августа 1992 года в №91 (8188) в статье «Изменение границ начать нетрудно. Закончить вряд ли удастся» объясняет: «...Практическое восстановление прав репрессированных и насильственно переселённых народов – более сложное дело, чем казалось вначале. Ведь речь идёт о десятках народов, народностей, этнических групп, сложившихся культурно-этнических общностей – судьбах миллионов людей. ...Но этим не исчерпывается сложность вопроса, который приобрёл международный характер. Ведь часть этих народов проживает на территории суверенных государств бывших союзных республик и стремится вернуться в Россию, другая часть – например, группа крымских татар, турок-месхетинцев, курдов – оказавшись волею судьбы на российской земле, стремится вернуться на земли предков».

Если восстановить границы на момент 1944 года, то не только Пригородный район Северной Осетии нужно вернуть Ингушетии, а Натеречный, Шелковской и Наурский районы Чечни – Ставропольскому краю; Моздокский район Северной Осетии – Став-

ропольшу; Новолакский район Дагестана (бывший Ауховский район) – назад Чечне, и пошло-поехало... Для справки: спорных зон сейчас на территории России 180! Примерно на тридцать три чеченских войны. Позиция центра по вопросу любого изменения любых границ любых кавказских республик хорошо известна: их нельзя пересматривать, потому что это открывает ящик Пандоры.

Доминушка четвёртая

В газете «Сердало» от 29 октября 1992 года в №123 (8220) опубликована «Резолюция митинга ингушского народа пос. Южный Пригородного района 24 октября 1992 года». Она, кроме прочего, призывала: «...В ингушских сёлах Пригородного и Моздокского районов немедленно приступить к созданию народной гвардии. Материальное обеспечение народной гвардии Пригородного района возложить на Назрановский, Малгобекский и Сунженский райсоветы».¹⁸

Доминушка пятая

И оружие молчать не стало. Газета «Сердало» 12 ноября 1992 года в №125 (8222) публикует статью «Это уже Карабах», больше напоминающую сводку боевых действий: «Сегодня в Пригородном районе у селений Шолхи (Октябрьское), Мочкый-Юрта (Чермен), Карца (Планы), Яндиево (Дачное) и у многих других идут ожесточённые, кровопролитные бои. Ингуши сражаются за свои земли, за свои улицы и дома...»

Доминушка шестая

И страшный итог!.. Газета «Сердало» 12 ноября 1992 года в №128 (8225) в «Политическом заявлении Чрезвычайного комитета Ингушской Республики» сообщает о сотнях убитых, тысячах раненых ингушей и десятках тысяч оставшихся без крова.

*Век двадцатый канул в Лету, но с собой
Не сумел свои страдания забрать,
И живём мы непрерывною войной –
Это Сталин продолжает убивать!*¹⁹

В день отъезда в православном храме Сунженского района я поставил за убиенных свечку.

ИСХОД НЕСБЫВШИЙСЯ

Малумат

Хочешь уберечь свой берег – бейся за чужой.

Ингушская пословица

И опять ограничусь лишь сухими сводками...

1. 18 октября 2012 года в Чечне приняли закон о включении части Сунженского района Ингушетии в состав Чечни.

2. Утром 18 апреля в ингушское село Аршты вторглись 300 чеченских силовиков – колонна состояла из одного БТР, нескольких «Уралов» и легковых машин.

3. 20 апреля глава республики Юнус-Бек Евкуров созвал съезд ингушского народа в связи с «чрезвычайными обстоятельствами вокруг вопроса о временной границе между Чечней и Ингушетией».

Аксагов Магамед в красках поведал, как они с друзьями провели несколько тревожных дней на баррикадах в готовности защитить родную землю даже ценой собственной жизни... Редакция газеты «Сердало» дальновидно изъяла из архива часть материалов (поступила мудро!): теперь между выпусками №035 (10970) 16 марта 2013 года и №60 (10995) 14 мая 2013 зияет чёрная дыра.

Кавказ – дело скользкое...

А третий исход, слава богу, не случился.

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЁТ

Малумат

*...Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!*

М. Ю. Лермонтов

В Ингушетии закончился период смуты и давно наступил мир.

Исход людей из родных мест прекратился.

Снова ждут русских в Ингушетии.²⁰ Правительством даже разработана целевая республиканская программа «Возвращение и обустройство русскоязычного населения на 2010 – 2015 годы». Постепенно и в Пригородный район, на свои исконные земли, возвращаются ингушские семьи. Яхья Хашагульгов, бывший председатель райисполкома Сунженского района, убеждён:

– Ингушский и осетинский народы врагами быть не могут. Тихо-тихо-тихо всё поставят на место. Один пример привожу: СССР и Германия – более непримиримых врагов в мире не было. А сейчас?... Время затягивает раны.

Горе удаляется – каждый день на него
ложится лопата земли.

Проблема вся в чём? У нас каждый себя считает князем.

А «над князем князь не нужен» – гласит ингушская пословица.

«Я бы сделал не так, я бы не так! я бы лучше! Тот купился, этот продался». Веками по наследству потомков будут укорять: «Сто лет назад ваш дед вёл переговоры и уступил часть Владикавказа другому народу». За это время страна полностью поменялась несколько раз, шар земной перевернулся, уже никто и не помнит, что именно было тогда, а упрекать будут.

Каждый мнит себя стратегом,
видя бой со стороны...²¹

Кровавый исход из Осетии осенью девяносто второго...

Пока вопрос этот – самый больной для всех и каждого в республике.

Официальный Гимн Республики Ингушетия гласит:

*Земля может разверзнуться
От ран, врагами тебе нанесённых.
Да будут благородны сыны ушедшие,
Да отомстят живущие за них.*

*Аллах, дай силы Ингушетии,
Дай силы, чтобы отомстить.*²²

Старики в Ингушетии перед смертью завещают потомкам: «Вернуться к родным пепелищам, к родовым кладбищам в сёла Пригородного района». Меня уверяли: обратный отсчёт времени уже включён. На стенах в ингушских домах я видел именно такие часы – часы с обратным отсчётом. И теперь каждый час, каждая минута приближает ингушский и осетинский братские народы к миру и добрососедству.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Хабарик

Дуплистое дерево ветер валит.

Ингушская пословица

Ингуши по сей день гордятся своими земляками, отмеченными царём-батюшкой за воинскую доблесть и верную службу генеральскими погонами и почестями: Бекбузаров Сосланбек Сусуркаевич, дослужился до генерал-майора, командира бригады 19-й пехотной дивизии, кавалера Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 24.02.1915 г.); Нальгиев Эльберд Асмарзиевич, генерал-майор, командир 2-й бригады сводной Кубанской казачьей дивизии, кавалер Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 07.01.1916 г.); Укуров Тонт Наурузович, генерал-майор, командир 44-го пехотного Камчатского полка, кавалер Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 09.03.1915 г.); Базоркин Банухо Байсагурович, генерал-майор русской императорской армии; Мальсагов Сафарбек Товсолтанович, генерал-майор русской императорской армии.

А бойцы «Дикой дивизии»? Все как один – национальные герои! Красавчики!

Обычно после этих джигитов следом идёт длинный перечень Героев Гражданской войны.

Известно, что ингуши массово поддержали Советскую власть. Умницы!

Сам Орджоникидзе в восторге писал: «Ингушский народ, ни на минуту не колеблясь, изъявил готовность к борьбе и громадными массами напав на город... Выступили ингуши, этот авангард горских народов, за которыми потянулись, если не активно, то во всяком случае своей симпатией, все остальные горцы».²³ Мнение врагов Советской власти ещё откровенней... Деникин впоследствии изумлялся: «Участие этих народов в политической жизни края далеко не соответствует их численному составу. Ингуши – наименее численный и наиболее спаянный военной организацией народ – оказался по существу вершителем судеб Северного Кавказа».²⁴

Ингуши настолько гордятся подвигами своих предков, что никто не заморачивается думкой: ведь красавчики из первого списка воевали с красавчиками из второго. Между собой! И одновременно их чествовать как героев нелогично. «Всё смешалось в доме Облонских!» Большевицкая идея равенства настолько подкупила ингушей, что они по сей день пребывают в восторге!.. Тот факт, что власть

эта землю дала лишь поддержать в руках, а потом почти сразу отняла вместе с жизнью десятков тысяч людей, с родовыми башнями, в расчёт не берётся.

Строители и врачи по ингушским адатам избавлялись от кровной мести. Если ценный специалист совершал проступок – его не убивали – откупали. От таких людей зависели благосостояние и здоровье тейпа. НКВД, а ещё раньше ЧК, поступало наоборот – интеллигентов, профессионалов, носителей культуры, людей образованных уничтожали в первую очередь. Защищали, обнуляли сознание и память народа. Уничтожали самих носителей знаний, уничтожали круг их последователей, уничтожали круг учеников. Как мрачно пошутила Марина Цветаева: «Палачам во все времена нужны люди с головой». К зачисткам подходили основательно – не с кондачка. Варлам Шаламов пытался разгадать механизм репрессий: «Одним из главных принципов убийства сталинского времени было уничтожение одним рядом партийных деятелей – другого. А эти в свою очередь гибли от новых, из третьего ряда убийц. Берзина арестовали в декабре 1937 года. Он погиб, убивая для того же Сталина. Почему талант не находит в себе достаточных внутренних сил, нравственной стойкости для того, чтобы с уважением относиться к самому себе и не благоговеть перед мундиром, перед чином. Учёные, инженеры и писатели, интеллигенты, попавшие на цепь, готовы раболепствовать перед любым полуграмотным дураком. «Не погубите, гражданин начальник! – в моём присутствии говорил местному уполномоченному ОГПУ в 30-м году арестованный завхоз лагерного отделения. Фамилия завхоза была Осипенко. А до 18-го года Осипенко был секретарём митрополита Питирима».²⁵

Писатель Виктор Астафьев признаётся: «Я раньше других сперва почувствовал, а потом и увидел трагедию своего народа, сваленного в червивую яму коммунистами».²⁶ Ему вторит Василий Быков: «Прежний советский строй под руководством коммунистической партии никуда завести не может, кроме как тупика. И я думаю, что семидесятилетняя история нашего государства именно об этом вопиет, не то что свидетельствует. Каждая её страница».

Из моих собеседников в Ингушетии, пожалуй, лишь Нурдин Кодзоев не захлёбывался в восторге, говоря о красных: «Я с детства – антисоветчик. Состоял на особом учёте. В пятом классе от руки писал листовки о митинге в Грозном в 1973 году, бегал по улицам, расклеивал... КГБ собрал по школам тетради, по почерку вычислил, но что

возьмёшь с пятиклассника? В восьмом создал подпольную организацию... Цель: образовать Республику Ингушетия».

И вот сегодня бок о бок в Ингушетии, словно в провинциальном спектакле, на одной сцене, в одной постановке играют персонажи из разных сказок: Карабас и Дюймовочка, палачи и жертвы, антисоветчики и большевики-ленинцы с персональными экспозициями в музеях, с демонстрациями-маёвками 1 мая и Днём памяти жертв политических репрессий 30 октября – по принципу «Кашу маслом не испортишь!».

РОДИНА КАМАСУТРЫ

Ахи²⁷

Русский язык – это отшлифованный ингушский.
Ингушское поверье

Берснако Газиков – крупный ингушский учёный, краевед, исследователь и при этом человек исключительно скромный, как все ингуши:

– О себе говорить неудобно, всё – в Интернете. Я автор научного труда: «Ингушетия – родина мировых мифологий».

– Гипотеза отчаянно смелая...

– Сейчас сами убедитесь! – заученным жестом фокусника Берснако развернул на столе план своего генерального наступления на мир. – По карте Ингушетии мы скрупулезно исследовали ингушскую и мировую мифологию, окинули взглядом рельеф земли с птичьего полёта. Вот, прошу, окиньте: здесь протекает Терек, это река Армии, это – Асса. Если изучить этот участок карты внимательно – просматриваются глаза.

Я уперся взглядом в карту, и... точно!.. что-то типа, причём один глаз мне подмигнул!

– Полюбуйтесь, – вот будто бы рука, вот будто бы нога... По описанию этот персонаж полностью соответствует теологии индуизма. У Махабхарата – на голове тоже коническая корона...

– Сила!

– ...Четыре руки, две правых, две левых, в одной он держит молнию.

– Кому-то надо...

– Вторая рука – кулак перед собой.

– Мило.

– Из космоса видно лучше.

– Да ладно, я так...

– ...Следовательно, подтверждается факт: у нас находится греческое божество – Охранитель Мира.

- Ясененько...
- А если карту крутанём – увидим сначала козла, потом слона.
- Чудненько... славненько... занятненько, – подбадривал я собеседника, строго следуя инструкциям Махмуда.
- Это Бог Ганеша, исполняющий желания, – слон мудрости Индии.
- Так ему и надо.
- Подобных образов у нас набралось более семисот, которые соответствуют египетской, индийской, скандинавской мифологиям. Получается, зарождение всех мифологий мира происходило именно у нас, в Ингушетии, – Берснако победно откинулся на спинку стула.

«Так вот ты откуда родом, Камасутра!..»

- Везёт вам.
- Бывает... – Берснако крепче прижал портфель к груди. – Очевидно: жизнь планеты Земля зародилась здесь, в Ингушетии, в Джейрахском районе. Это уже потом люди разбрелись по всей земле и, захватив с собой наши мифы, образовали разные страны.
- Я лично знаком с главой администрации Джейрахского района, – сморозил я сдуру, словно как раз этот муниципальный чиновник и организовал процесс мироздания.

Теперь за ингушский народ я спокоен!

С такими энтузиастами-учёными, как Берснако, Страну Башен ждёт великое прошлое.

А если Бог взаправду по национальности – ингуш?..

ПРАВО СЛУЖИТЬ

Хабар

Коня узнают в пути, молодца на чужбине.

Ингушская пословица

У Башира Аушева уточнил:

- Ингушетия по-прежнему в числе регионов, где за возможность отслужить срочную службу – уточняя: не «откосить от армии» – за право исполнить священный конституционный долг – дают взятки?
- Да, так... Когда призвали на Северный флот – не верил до последнего. Пока уж точно не проехали Москву, Питер... пока столичные города не проплыли мимо окон вагона. В 2009-м, когда меня призывали, желающих было десять человек на место.

– В МГУ меньше.

– Весь двор военкомата забит битком. Знакомые ребята предлагали за деньги поменяться местами, чтоб отдал им свою квоту. «Не-не-нееее!» Им отметка в воинском билете нужна для госслужбы, а я на Северный флот рвался познать себя, силу духа, силы свои. Дома можно всю жизнь прожить – ничего не поймёшь... Здесь ты не один, здесь за тобой – весь тейп. Споткнуться, упасть не дадут, поддержат... Могу хоть сейчас сделать дозвон по телефону: «у меня проблема!» – через десять минут сюда привалит пятьсот человек, готовых на всё... армия! Дома перестаёшь адекватно оценивать реальность. Там – совсем другое. Там ты один, без роду, без племени, можешь надеяться только на помощь Всевышнего. Там, наконец, понимаешь, насколько готов к жизни, насколько тебя хватит самого. Когда, ещё толком не проснувшись, уплетаешь горячие мамины пирожки, этого не понять, смысл жизни до тебя не доходит. После службы, в какой бы ситуации ни оказался, – точно знаешь заранее: потянешь эту лямку или нет. Я туда рвался, чтобы выдать мир, вдоволь наиграться с оружием, перейти с ним на «ты»: в Североморске корабли – с гору величиной, торпеды, ракеты... Мне это очень интересно... Я мечтал служить три года, но буквально в дороге узнал: опубликовали приказ министра обороны, срок службы сократили. Я был убит горем... Себя зарядил именно на этот срок. А призывники наоборот: кто мог, сходили по пути, на каждом пересыльном пункте упрашивали «покупателей», чтоб забрали их в другие рода войск, только не морфлот, только б не служить три года...

Призыв весенний. Поезд идёт по Мурманской области, светлынь, а все спят наповал. Даже странно показалось... Подхожу к своему прапорщику, трясусь за плечо:

– Чё с вами? Чё случилось?!

– Ты дурак, что ли?.. Посмотри на время: ночь на дворе.

– Какая ночь?

– Второй час.

Оказывается, такая в Заполярье летом ночь – белая. Я слышал, конечно, но чтоб до такой степени – представить не мог. Зимой наоборот – полгода темень. Глаз выколи... Зимой минус пятьдесят при высокой влажности и колючих ветрах с залива – не детские игры, море Баренцево!.. Огромная луна! Лунища!!! – рукой достать – жёлтая, маслянистая, словно чапенгиш (блины с творогом)! И небо – на плечи давит. Однажды вышли во двор, морозняка, сугробы, и внезапно! – небо перламутровое... – от испуга аж пригнулся. (Знаю: ядерные подлодки кругом... Всякое может.)

Бегом к офицеру – доложить. Тот смеётся:

– Это северное сияние!..

И началось на небе представление... Разве такое увидишь здесь? Светло как днём. Лазерное шоу – дешёвая туфта по сравнению с ним. Узоры, полосы, ленты – широкие, узкие... разных цветов. И всё меняется. После этого я каждую ночь выбегал во двор: чтобы не пропустить, ещё раз увидеть, чтоб ещё-ещё раз... И, конечно, мечта моя – увидеть воочию корабль «Пётр Великий» и авианосец «Адмирал Кузнецов» – достояние страны. В сравнении с ним даже северное сияние померкло. Вот это махина!.. Город! Ему даже Кольский залив в плечах тесноват. «Адмирал Кузнецов» – чудо света! Я-то служил на базе технического обеспечения... на маленьком катере торпедистом. А это такая махина – бескозырка с головы падает, как голову вверх задерёшь. Ещё раньше слышал лозунг: «На работу как на праздник!», считал «дуркуют». Пропаганда. А тут сам, когда попадал в торпедный цех, огромную радость поймал. Пацанам неинтересно, а мне-е-е-е!.. Я знал: больше никогда в жизни этого не увижу, даже если захочу сильно-сильно. Потрогать самому, разобрать, собрать, смазать, зарядить, участвовать во всём этом. Прямо гордость испытывал: не каждый мой сверстник допущен к таким тайнам, к военной мощи страны. Принимал участие в военно-морском параде, есть даже благодарственное письмо в адрес родителей... Клянусь – это счастье! Отдать долг Родине для мужчины – награда. «Защитник Отечества» – звание почётное. И ещё: служба для меня стала данью уважения деду, другим ветеранам, благодаря которым мы сидим с вами спокойно, мирно беседуем. Вклад этот даже по масштабам Вселенной не оценить. Служба моя на Северном флоте своего рода «алаверды!». Одолей нас тогда фашист, не до бесед было бы сейчас...

На медкомиссии мне врач заявила:

– Ты южанин, даже недели здесь не выдержишь, может, тебя сразу комиссуют?

– Вы что!.. Вообще?! Для ингуша «комиссовать»! Лучше здесь умру. Зато меня родственники увезут и с почестями похоронят.

Задумалась, остальные хлопают глазами.

– Ты какой-то ненормальный... Если им предложу, с радостью согласятся, убегут.

– Они пусть бегут, я выдержу всё. Так и пишите.

Посмеялась врач надо мной, но уже совсем по-другому, по-доброму:

– Приятно видеть таких призывников, как ты, Башир! А кем тебе доводится Руслан Аушев?

– Дядя.

Председатель комиссии, генерал-полковник ме-

дицинской службы, подошёл ко мне и положил руку на плечо:

– Благодаря твоему дяде я дослужился до таких звёзд, это он меня в русло поставил. Первый бой принял под его командованием. Обращайся, если возникнут вопросы. И служи, старайся авторитет его не уронить.

Я стою, весь свечусь от счастья... ярче северного сияния.

Даже тут, на краю земли, знают моего дядю.

В Ингушетии считают: настоящий мужчина должен быть всегда на слуху! Или в хорошем, или в плохом смысле! А здесь такое почтение... Гордость во мне такая, что я – ингуш, представитель его рода, – служу на Краснознамённом Северном флоте, на флоте, о котором друзья слагают легенды, а враги в страхе шарахаются. В меня прям сто сил вселилось – стал заниматься спортом: штанга, турник, закаливание – летом обливался холодной водой, зимой обтирался снегом, к тёплой воде не прикасался. В итоге я был единственным бойцом из всей роты, кто ни разу за всю службу не валялся в госпитале. Осенью, когда в тельняшке выходил на палубу, чувствовал себя комфортно.

Многие пустоты у себя в голове заполнил именно там... Пообщался с представителями разных национальностей. Со староверами, язычниками... узнал, как шаманы проводят обряд очищения дома. И был в шоке! Многие мне казалось диковатым, как, наверно, некоторые наши адаты кажутся им. Там до меня дошло: если ты поймёшь устройство души человека – какой бы национальности и веры он ни был – тебе не составит труда найти подходы к нему и сдружиться... на всю жизнь. Иногда полемизировали, не без этого:

– Я знаю свой родной – ингушский, знаю чеченский, свободно владею твоим языком – русским... Писать умею, стихотворение прочитать, спеть могу... И кто из нас «чурка»?

ОСЛУШНИК

Хабар

Как ни черни золото, оно не почернеет.

Ингушская пословица

Асланбек сидел напротив и виновато оправдывался:

– 14 сентября 2013 года я заступил в наряд дежурным по РОВД Сунженского района. Дежурство

проходило спокойно, никаких эксцессов, ЧП. Ночью, в дванадцать, раздался звонок из приёмного покоя районной больницы: «С тяжёлым ранением поступил военнослужащий, ППС-ник, пострадал при взрыве автомашины». Я сразу усилил наряд, поднял вторую оперативную мобильную группу, выставил людей, заняли оборону. В 06.15 полицейский из конвойного взвода доложил: в тридцати метрах от отдела за деревом замечен человек в гражданской форме, с автоматом, нацеленным в сторону РОВД. Приказал:

– Все двери заблокировать! – и, спустившись во двор, увидел незнакомца. – Без моей команды не стрелять!

Сам – напрямик к нему. Приблизился метров на пять... У него автомат АК-7,65 с барабаном (ёмкость 75 патронов – пали вволю).

Глаза в темноте сверкнули:

– Ещё шаг, и буду стрелять... – он стал поднимать автомат.

– Давай не дури, положи на землю автомат и сдавайся.

Передёргивает затвор:

– Пристрелю.

Стоим, смотрим в глаза друг другу.

Он внешне ведёт себя спокойно, уравновешенно... палец на спусковом крючке не дрожит.

Я плавно расстёгиваю кобуру:

– Смотри... пистолет кладу на землю. Если ты мужчина, положи автомат, и давай поговорим с тобой один на один. Если меня одолеешь, сам проведу тебя в отдел.

Он растерялся, не ожидал такого... Переводит взгляд с пистолета на меня... Не знает, на что решиться.

– Ты кто?

– Саламбек Мочукаев, нахожусь в федеральном розыске, по 208-й.

– Терроризм. И что тебе нужно?

– Должен пробиться в здание РОВД и расстрелять личный состав.

– Кто тебе такую задачу поставил?

– Амир.

– Почему он сам не пришёл? Побоялся?! Тебя, дурачка, послал. Хочешь пройти в отдел, где круговая оборона... Ты под прицелом, шага не успеешь ступить.

Чувствую, дрогнул, обмяк весь, устало положил автомат на землю.

Я – к нему...

До него четыре метра, три, два...

В глаза друг другу впились. Показываю – ладони у меня пустые... Подхожу почти вплотную... Один шаг отделяет.

– Руки подними.

У него конвульсия по лицу пробежала:

– Не подходите, за пазухой взрывное устройство.

– Что именно?

– Не знаю... пояс шахида.

Я молнию на куртке ему приспустил – на груди шприц висит, провода.

– Не шевелись.

Медленно передвигаю бегунок, появляется «MON 50» – взрывное устройство английского производства. Командую своим ребятам:

– Не подходите! У него пояс шахида!

Кругом жилые дома, люди спят – шесть утра – самый сон, а он прямо под окнами...

– Саламбек, будешь слушать мои команды, останешься живой. Если нет... шприц твой дёрну и – в сторону, а ты взлетишь. Понял?!

– Понял.

– Как сюда добрался?

– Брат на белой «семёрке» привёз. Он поехал Нестеровский отдел взрывать... У него машина загружена тротилом.

Я стиснул в кулак указательные пальцы его правой и левой руки, чтоб беды не натворил, достал мобильник, доложил обо всём руководству. Всё... Теперь уйти подальше от жилья... Повёл его за военкомат, там массивная кирпичная стена. И в том кирпичном проёме простояли с ним ровно 54 минуты. (Для рапорта запомнил точно.) Он то бледнеет, то стонет, то чернеет. Чувствую, у меня самого давление зашкаливает. Стою и понимаю: никто не поможет, разминировать нужно самому.

– Саламбек, вставай к стене, буду тебе пояс снимать.

– Нельзя – оба взорвёмся...

– Посмотрим. Вставай.

Вижу в шприце ртуть, стоит клапан приподнять, надавить и – моментальный взрыв.

– Садись на землю, руки пла-аавно... задержи... не шевелись.

Он сполз по стене, поднял дрожащие руки, глаза закрыл...

И я давай аккуратнo снимать... складка за складкой...

Пот со лба капает прямо на руки...

Снял.

Аллах-акбар! Сложил весь комплект на землю, отошли с ним в сторону... только тут впервые свободно выдохнул. Минут через двадцать прибыли са-

пёры ФСБ, узнали подробности, крутят пальцем у виска: «Эту бомбу разминировать нужно четыре часа, как ты её вообще снял? Бросай свою работу, переходи к нам». А у меня уже мозги словно в тумане... Плывёт всё перед глазами. Слышу только сквозь дымку генерал объясняет своим:

– ...Если бы взорвался, в радиусе пятидесяти метров была одна сплошная воронка... ни одного муравья бы в живых не осталось.

Потом узнал: взрыв Нестеровского отдела удалось предотвратить, белую «семёрку» с бомбой обезвредили, а меня четыре месяца таскали с допроса на допрос, из одной конторы в другую: «Почему покинул дежурную часть?»

* * *

Великие деяния, чужие судьбы каждый склонен примерять на себя.

Признаюсь честно: подвиг Асланбека Гандарова я как ни пытался примерить на себя – не смог. Не дорос я до такой «обновы»... обитель духа его несоразмерно велика для меня. Это как в Храм войти... Робко чувствуешь себя внутри. Выйти на битву с огнедышащим драконом... один на один. Это и есть – Герой нашего времени.

А само происшествие... Читатели, хорошо знающие историю Государства Российского, понимают: Асланбеку крупно повезло. Ни одно доброе дело у нас не остаётся безнаказанным, любое разбирательство идёт по гладко отработанному сценарию, строго по пунктам: запугивание, запугивание, наказание невиновных, награждение непричастных, банкет по случаю. Мужик, можно сказать, родился в рубашке. Ему ещё сохранили звёздочку, должность. А ведь майор преступил все рамки приличия... За время службы это уже третий случай, – третий! – когда Асланбек лично обезоруживает и берёт террориста живьём.

МАХМУД ЗАЖИГАЕТ

*Спросится не только за злые слова,
но и за произнесенные добрые.*

Живая Этика. Надземное

Мы проезжали мимо альма-матер, и Махмуд, заметив смеющихся школьников, сам посветлел:

– Мне, как филологу, интересно бывает наблюдать за детьми. Вот уж кто мастера словообразования, и сами такие непосредственные, искрен-

ние, не то что взрослые. В Тюмень ездил к брату, смотрю, во дворе малыши играют с котёнком: симпатичный, пушистый, рыженький. На своём зову его:

– Мута ходол! (Киса, иди сюда!)

Девочка в песочнице совочек отложила и сделала замечание:

– Дяденька, зачем вы ему на чужом говорите? Он же русский.

– Он ингуш.

– Нет, русский!

У нас семьи большие, потомков много.

Прихожу однажды к младшему брату в гости, а у него дочка маленькая, лет шести – племянница моя – такая егоза. Захотелось её разыграть. Налили мне чаю, я ложкой собираю чаинки:

– О! Чаинки к деньгам! Сейчас буду выпекать.

Та сразу ушки на макушку:

– Как это?

– А вот смотри: собираю чаинки, складываю их в карман, читаю молитву: Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Если я всё сделал правильно, через несколько минут в кармане испекутся денежки.

Она смотрит недоверчиво, но играть не убегает. Терпения хватило на пару минут:

– Давай проверим!

– Давай.

Запускаю руку в карман брюк и... достаю вместо чаинок... пятисотрублёвую купюру.

Рот у неё открылся, глаза округлились.

– О! Слава Аллаху! – я складываю денежку и – в нагрудный карман рубашки.

На другой день опять прихожу – она меня уже ждёт. Хозяйка наливает чай, я опять с деловым видом сосредоточенно чаинки собираю в ладонь и с молитвой засовываю в карман.

Девчонка не дышит, не моргает, уставилась на меня.

Через несколько секунд теребит за руку:

– Дядь, проверь!

– Рано ещё, не испеклись.

Проходит пять минут, запускаю руку в карман и опять вытаскиваю купюры, да не одну – две. Её аж передёрнуло, личико покрылось красными пятнами, убежала прочь.

На третий раз – я опять за своё...

Она уже с утра ждёт моего прихода: бледная, дёрганая какая-то, аппетит у ребёнка пропал, не здороваясь, сразу подошла к столу – на боевой пост – вперилась в меня.

– Ну смотри, какие сегодня большие чаинищи попали в стакан, целые листья – чувствую, будет особый прибыток, – я не обманывал её, час назад зарп-

лату получил. – Ты смотри и учись! Вдруг тебе тоже когда-нибудь захочется денег.

Молча сопит да ногами переступает, точно необъезженная кобылка.

– Так, собираем чаинки в ладонь, – нарочито медленно, по одной вылавливаю широкие коричневые лепестки, – читаем молитву: Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного! И опускаем чаинки в карман. Главное, ничего не перепутать.

Она аж перегнулась через стол, шею вытянула, пытаюсь заглянуть в карман...

А у меня – всё по-честному!

– Так, о-пуска-ааем! Чтобы денежки выпекались лучше, надо прижать карман к печке, – прислоняю ногу к натопленной плите. – Всё. Теперь ждём.

Она глаза зажмурила, съёжилась вся, замерла, стук её сердца я слышал на расстоянии...

– Ну вроде должны быть готовы, – запускаю руку, достаю тысячную купюру. Для убедительности прикладываю тёплую банкноту к её щеке. – Чувствуешь, горячая? Испеклась.

Складываю тысячу пополам и – в нагрудный карман рубашки. Опять запускаю руку, достаю следующую банкноту. Раз десять я нырял пальцами в брючный карман и выуживал один банковский билет за другим...

– Хватит! – взвизгнула она и своими ручонками прижала мои руки к столу. – Дядя, больше не надо! Вы так все деньги наши заберёте.

ИССА

Хабар

*Сыну достались фрукты от дерева,
посаженного отцом.*

Ингушская пословица

Глава Сунженского района Исса Хашагульгов предложил пройти в боковую комнату рядом с кабинетом и откровенно признаться:

– Завидую вам, Александр! Честно.

Я не могу, как вы: всё переступить и заняться любимым делом. Мне никто не позволит. Я привязан. Навечно в строю. В клетке! Адаты, Эздел, тейп – пугают крепче тюремных решёток. Честно, завидую...

– Мне право заниматься творчеством далось не даром, за него приходится биться. В этом бою, как в

любом другом, есть потери. Но они оправданы высшим смыслом, высшей идеей.

– Понимаю... И всё же... Жёсткая структура построения ингушского тейпа, иерархия – одновременно плюс и минус. В чём-то она даже мешает... Хотя сегодня уже не та Ингушетия, что раньше. Где ты, древний Эздел? Всё подменено меркантильными интересами. Ингуши всегда отличались тем, что говорили правду, какая бы она ни была. Хватало мужества. Сейчас нет, сейчас не так. Родственники, даже если прекрасно знают, что кто-то из них не прав, – не остановят, не укажут «отойди в сторону!». Фигурант сразу упреknёт: «Ты не мужчина, оказывается!..» И пойдёт буром.

Для нас родители значили больше...

Когда мать умерла, мне было пятьдесят пять. Не было дня... за эти пятьдесят лет... командировка – не командировка, не было дня, чтоб где-то остался заночевать и чтоб моя мама не знала. В жизни не было дня за эти все годы, чтоб я хоть раз к маме не зашёл. Теперь жалею: мог быть ещё ближе... Моя мать не любила ласки, обниманий, муси-пуси. Один раз за всю жизнь обнял её неожиданно... Тогда студентом учился: сначала семестр, потом военная подготовка, – долго не был дома – соскучился страшно. Она во двореке развешивала бельё, я тихонько подкрался, приобнял – сразу отстранилась, резко. Нет, не было у неё этого... Потом, под конец уже, я мог спокойно ногу ей помассировать, руку поддержать... потом я уже никогда больше эту сухую жилистую руку не держал в своих руках...

Исса отвернулся, зачем-то стал переставлять вазочки на сервировочном столике, погромыхивать посудой:

– Угощайтесь! – он налил в стакан заварку и кипятилок до краёв. – Родители для нас – это святое... Недавно ролик попался в Instagram. В саду под тенью плодовых деревьев сидит отец, довольно пожилой, видимо, с памятью уже нелады, рядом – взрослый сын, газету читает. Хороший дом, ухоженный сад. Воробей прилетает, начинает прыгать у ног, чирикать. Отец спрашивает:

– Что это?

– Воробей, – сын, не обращая внимания, продолжает шуршать газетой.

Проходит буквально несколько секунд, отец опять спрашивает:

– Что это?

– Воробей, что, не видишь? – уже раздражённо, и дальше читает.

Минуты не прошло, отец опять:

– Что это?

– Воробей! Я же сказал. Во!-ро!-бей! – сын, психуя, отбрасывает газету.

Отец сутуло встаёт, шаркая, уходит в дом.

– Ты куда?!

Приносит старую тетрадь, раскрывает её на закладке и протягивает сыну:

– Читай вслух.

– «Сегодня такой красивый день. Мы с сыном сидим в парке на аллее. Прилетел на соседнюю скамейку воробей, и мой сын двадцать один раз спросил у меня: «Что это?» Я двадцать один раз обнял своего сына и ответил: «Воробей».

Сын растерялся, отложил в сторону тетрадь и обнял отца.

Один пишет в комментариях: «Хорошее видео».

Я набираю ответ: «К сожалению, это не видео, это – жизнь».

Жаль только: осознаём, когда уже поздно. Даже мы, которые так трепетно относимся к родителям. Сейчас, когда время упущено, вспоминаешь, что мог бы отца посадить с собой в машину, вывезти куда-то, прокатить, показать, рядом быть, руку подержать... С отцом похёстче у нас. На людях вообще не принято ласкаться, субординацию надо соблюдать. Мой отец, когда никого нет, любил, чтобы мы сядились за стол всей семьёй. Настаивал даже.

Когда в сорок четвёртом семью сослали, до места из наших мужчин добрались двое: мой отец и дед. Дед – участник Гражданской войны, награждён, контужен и к тому моменту почти полностью оглох. И вот сидят они зимой в землянке за шторкой, голод, холод.

Дед был жёстким:

– Мать-перемать, на хрена тебя растил, жрать нечего, а ты сидишь!..

Отец ночью в колхозе украл телёнка, забил его, сварил, накормил всю семью и соседей.

– Сейчас я знаю: ты – мужчина! – оценил дед.

Шёл сорок пятый год, и за колоски давали 25 лет.

– «Кто бедствует, тот не грешит»,²⁸ – согласился я.

– Нас тридцать человек – потомков отца. И если я, к примеру, поручу племяннику: «Вот этого надо завалить», а он поинтересуется: «За что?» – это уже неуважение ко мне. Но при этом я сам не сяду кушать, пока мои родные, внучатые племянники, будут голодные. Тема исчерпана. А сегодня идёт фигня. В Москву – ограничений нету: едут воровать, грабить, убивать, в большинстве своём. Раньше у нас такой швали не было. Мы их контролировали. Сейчас не так. Иерархия, уважение к старшим уже не те. Нам, кавказцам, лучше советской власти придумать невозможно. Всё было в мере: страх, труд, мужчина мужчиной и оставался.

– А ссылка? – оторопел я.

– Ничего страшного в высылке не вижу.

– Сколько жертв, горя...

– Ничего страшного. Все эти беды сплотили народ. Да, все женщины надорвали мочевые пузыри, пока добивались в ссылку. Зимой на поле копали семена озимой ржи – ели. Но нас же не сломали. Соседский сын узнал, что комендант плетью ударил в лицо его отца: отрезал негодяю голову. Голодали, но горской чести не теряли. В то время!

– Ингуши – оптимисты: «Пал бык – мясо, сломалась арба – дрова». (Уст белча, дулх хиннад; ворда ехача, дахча хиннад.)

– Ингушам по-другому нельзя... Высылкой в Казахстан для нашей семьи проблемы не закончились. В девяностые у нас похитили отца. Мы поклялись: всех, кто хоть пальцем коснулся его, – найдём и накажем. Пробились на чеченское телевидение, дали информацию, объяснили: «С нами не шутите...» Мне напрямую пришлось столкнуться с этой грязью: с Бараевыми, Итаевыми... Дня не прошло, на меня выходят посредники – их мулла-шмула, предлагают вернуть отца за миллион шестьсот тысяч долларов. Я – в Серноводск, один к Арби Итаеву: тот весь на понтах, в оружии с ног до головы, рядом нукеры...

– Где отец?

Он с ухмылкой:

– Ты чё, такой смелый, что ли?!

– А вас надо бояться?

– Исса, это наш бизнес. Ничего с твоим отцом не случится. Цену мы подняли до трёх лимонов. Ждём Березовского.

«Три миллиона долларов, Березовский... Бред какой-то?»

Я не поверил. Но делать нечего: развернулся, уехал с пустыми руками. И что ты думаешь, Александр, не прошла неделя, Березовский в аэропорту... прямо в аэропорту передаёт их посреднику три миллиона. Все вопросы тут же сняли. Тема?

– Тема интересная, – согласился я. – Мало какой бизнес даст такую прибыль.

– Тема ушла... Вообще к деньгам сейчас отношение пересматривается...

Недавно олигарх-ингуш кинул несколько миллионов долларов на свадьбу сына. У нас так не принято. Богатые стали отмечать свадьбы в банкетных залах – не дома. Баб своих жалеют, что ли?.. Отходят от наших традиций. Я на торжество не поехал.

И политика – та же проституция. На любителя. Прилипалы кругом. А есть такие, кто готов на колени встать, штаны снять – из-за должности. Прогибаться даже у нас уже привыкли. Это с горским-то менталитетом, с нашим представлением о чести. Привыкли...

Завидую вам, Александр!

Я ВЕРЮ В ЧЕЛОВЕКА!

Ахи

Не всегда танцуют там, где раздаются хлопки.

Ингушская пословица

Не зря говорят: «Хочешь понять Кавказ – понаблюдай, как танцуют лезгинку!»

Понять хочу.

И вот я на репетиции ансамбля «Таргим», в городе Карабулаке.

Муса Шанхоев, балетмейстер ансамбля, учитель музыкального самовыражения, отработав с ребятами, согласился позаниматься теорией и со мной: рассказать, показать, объяснить.

– Мне понравился мальчишка, который первым стоял, – максимально напустив на себя учёность, заметил я.

– Магомед Мержоев.

– Выделялся из всей группы... Такое ощущение: у него на теле нет мяса – всё музыка. Как струна!

– Есть ещё такие, как Мага. Они приходят к нам с улицы, интересуются танцами, энергии много, хочется танцевать... – этот мальчик раскрылся в течение полугода – живой талант. Моя задача талант заметить и развивать... Развивать не будешь – ничего не получится. К каждому ребёнку нужен свой подход. Одного нужно время от времени подхваливать: «Молодец! Молодец...» А есть дети, к похвале равнодушные, но чувствительные к критике: «Зачем ты так делаешь?» Дети, чувствительные к «кнуту», «палке», испытывают потребность в витамине «С» – так для себя называю. Кому – «пряник», кому – «кнут», кого берёшь «на слабо», и они на голых амбициях влетают на пьедестал... К каждому ребёнку – подход индивидуальный. Есть дети, которые ходят, ходят, ходят... полгода-год... лишь потом раскрываются. Есть – с третьей репетиции – готовый артист. Есть, ну всё умеют – включаешь музыку, – теряются.

– Раскройте свои педагогические тайны. Юному джигиту вы на репетиции сделали замечание: «Не ищи причин не работать!» И отправили его на скамейку «запасных».

– ...Есть, которых папа отправил приобщаться к искусству, а им не нравится. Я с детьми работаю девять лет, научился разбираться не только в танцах – в мыслях. Смотрю: «Пришёл с утра, не выспался, не будет работы – будет причину искать!» Ему нужно дать паузу: посидеть, проснуться. Через десять минут встанет обратно и выдаст результат. Нельзя всех грести под одну гребёнку. Дети разные...

– Витамин «С» – интересный термин. Есть ли у ин-

гушских балетмейстеров ещё какие-то профессиональные секреты, сленг.

– На репетиции я постоянно рассказываю ребятам ингушскую историю, подчёркиваю: горянки танцевали всегда скромно, мелодично, гордо; джигиты должны соблюдать честь, не ломаться если вышел. Горец никогда не озвучивал свои желания – покорял избранницу поведением, демонстрируя красоту тела, движений. С древних времён в Ингушетии существуют красивые традиции, нужно соблюдать их. Эздел всё предусмотрел, всё сформулировал, всё расписал: девушка росла в чистоте и не могла себе позволить ничего лишнего – посмотреть, улыбнуться.

У нас есть движение «по кругу марш», при этом проверяем ритмику: начинаем движение с правой ноги, раз-два-три-четыре. Детей, у которых есть склонность к танцам, легко определить во время этого упражнения уже на первой репетиции. С детьми, у которых нет слуха, занимаюсь дополнительно, прихожу раньше, и под музыку, шаг за шагом вместе учимся ходить, двигаться. Детям с первого раза нельзя давать трудное задание – начинать нужно с самого лёгкого: то, что обязательно получится, тогда ему понравится, тогда поверит в себя. Лёгкость, лёгкость, лёгкость и постепенно сложнее. Подниматься нужно по ступенькам... Таким способом человека, даже который не имеет музыкального слуха, можно подтянуть почти до профессионального уровня. Никто не обречён, просто нужно больше работать. Слух в процессе интенсивных занятий развивается... Другое дело, когда у ребёнка нет желания, когда приходит, лишь бы отчитаться перед родителями. Нужно смотреть индивидуально... Единственное, чего не делаю никогда: не выношу смертного приговора, не даю негативных оценок. Маленькому человеку один раз сказал плохое – он запомнит, психическая боль, незаживающая травма – на всю жизнь. Если ребёнок слабый, я приглашаю на следующую репетицию родителей. Пусть понаблюдают за своим любимцем одно занятие, два, три... Пусть сами оценят, сравнят. Интересуюсь их мнением: «Вы видели ЭТО ВСЁ?» Никого переубеждать, агитировать не приходится... Сами признаются: «Да, Муса, это не наше...» Не тренер должен делать этот неприятный вывод – родители, сам ребёнок. Тогда нет стрельбы, нет кровной мести... У нас Кавказ. И не разрешаю детям хулить друг друга: «Ты не танцор! Я лучше тебя!» Сразу останавливаю: «Говоришь «лучший»... покажи нам, что ты умеешь! На что способен! Прямо сейчас! При всех!» Я никого не возвышаю, держу их на одном уровне... Я верю

в человека. Да, вопрос веры – пожалуй, главная причина, почему не выношу обвинительный приговор. Сегодня я выбью у малыша из-под ног уверенность, поставлю на нём жирный крест, вычеркну из списков... фактически из жизни, а вдруг у него есть шанс вырасти и показать результат лучше, чем у остальных.

– Разве такое возможно? – усомнился я.

– Это вопрос веры. Я верю, что такое возможно. Моя судьба – подтверждение тому.

– Даже так?

– Да. Помню, уходил из ансамбля «Магас» – чувствую, не моё это! Не получается. Хотя за спиной высшее профильное образование: колледж искусств плюс институт в Нальчике, факультет хореографии... Но возраст – двадцать лет! Всё. Старик! Поздно расти. Я делал акцент на классику, на тренаж, на разминку... Выходит, ошибался. Время упущено, выходит, с детства нужно было танцами заниматься, а я... боксом. Просто отец видел несколько раз, как танцую на свадьбах:

– Смотри, тебе нравится, – поступаю, учись.

Поступил, было тяжело, даже хотел бросить... пересилил себя, потом стало выходить. Понравилось. Только мой тренер по боксу удивлялся: «У тебя какой-то переход... не плавный». Прав он, переход от бокса к танцам плавным не назовёшь, хотя спортивный дух, воля к победе пригодились... Из ансамбля как уходил: никто не верил, что у меня получится. Коллеги, музыканты единодушно пришли к выводу: «Ноль!»

И прямо в лицо:

– Из тебя не выйдет танцор! Из тебя не выйдет балетмейстер! Из тебя не выйдет ничего!

Спорить не стал, а про себя решил: «Докажу обратное!»

С таким настроением покинул ансамбль. Дома, один стал спокойно заниматься. Близкие верили в меня, поддерживали, подбадривали: «Муса, давай!» Оказалось, танцы – тот же бой. Только на ринге против тебя стоит... твоя слабость, лень, неверие в себя. Поединок был тяжёлый, но я не сдавался. Весь день – одна сплошная репетиция... Короткое время на сон, еду и – всё по новой. В одиночку изо дня в день занимался под музыку, разучивал движения, придумывал в такт мелодии спортивные трюки, отработывал на воздухе «пальцовку», «щучку» по три-четыре раза подряд. Так ровно год. Год – работа над собой. Чувствую, стало получаться. Тело уже словно не моё... слушается не меня – музыку. Вернулся в ансамбль: просмотр, прогон... приняли в основной состав. Теперь самые сложные трюки соло – мои.

Я и сейчас после репетиции не спешу домой. Остаюсь с теми, кто хочет расти, кто танец любит, с ними занимаюсь уже для души. Приятно видеть, как молодёжь растёт над собой. Никому никогда не скажу: «Иди домой, из тебя не выйдет ничего!»

Никогда и никому, потому что сам стал верующим...

Я поверил в человека.

ГОСУДАРСТВО ЭЗДЕЛ

Хабар

*Любовь к Родине – это не хранение пепла,
а поддержание огня.*

Ингушская пословица

Одной беседой с Бесланом Кокархоевым дело не ограничилось:

– Помните восторг Иммануила Канта: «Две вещи удивляют меня: звёздное небо над головой и моральный закон внутри нас». Так вот этот нравственный закон не является продуктом земного опыта. Нравственная сущность человека привнесена в материальный космос из нематериального. У природы нет нравственных ограничений. Ни у звёздного неба, ни у земли, ни у дикой природы. Нет стыда, нет бесстыдства, нет благородства. Природа пожирает сама себя. И люди, когда не следуют своей нравственной сущности, а идут на поводу природных инстинктов, тоже начинают истреблять друг друга. Хотя по статусу божественного рождения им дана возможность этого не делать. В день Суда душа напрасно будет выгораживать себя, оправдываться, что у неё не хватило знаний, опыта, мол, ошибки-злодеяния совершила по неведению. Её развернут, будто свиток, и покажут наличие знаков мудрости на протяжении всей эволюции, начиная со звёздных планов.

А что нужно, дабы не истребить друг друга?

Нужно аккумулировать опыт науки, практики, всех мировых религий и выработать новое мировоззрение, обеспечить цивилизацию уточнённой формулой бытия. В противном случае мы погибнем все. До нас прекратили своё существование такие великие цивилизации, как древнеегипетская, вавилонская, шумерская, минойская, хеттская, индская культуры и культура Шан в Старом Свете, майянская, юкатанская, мексиканская, андская цивилизации в Новом Свете. Числа нет цивилизациям, канувшим в Лету!.. Почему они погибли? Почему исчезли

с лица земли? Причина?! Не хватало фуража коням, одолели болезни, войны? Что?!

Истощение мировоззрения, идеологическое банкротство – вот что их погубило.

Когда наступает банкротство идеи, никто за данную культуру, за существующую форму общественной жизни бороться не желает. Палец о палец не стукнет! Соппротивление ослабевает, стремится к нулю. Мировоззрение укрепляет дух, питает, даёт народу силу.

История иудаизма перекрыла все известные сроки, побила все рекорды долголетия. За счёт чего? Благодаря самому иудаизму, благодаря учению. У них была идея, которая питала веру, души людей. Китайская цивилизация – одна из самых старейших – выжила, выстояла в мире благодаря конфуцианству. Если возьмём Индию – она ровесница шумеров, древних египтян. Пережила их всех! Она обеспечила себе такой длительный цикл существования благодаря своей философии. Индийское мировоззрение живо и сегодня окормляет полтора миллиарда человек.

Когда будет сформулирована высокая, достойная идея, сразу под её воплощение появится энергия, будут мобилизованы достаточные силы, ресурсы. Идея как начальный импульс провоцирует появление энергии.

Почему тогда нельзя довольствоваться современным положением дел? Почему наличие существующих религий, учений не спасает?

Да потому, что Тора, Евангелие, Коран – священные религиозные откровения – имеют свой возраст. Научное мышление не может их взять как старт – они слишком молоды для человека. Нужна ещё большая глубина, чтоб достать до самых корней. А где взять?..

Ингушский сакральный язык прошёл весь цикл, от первопричины. Он перекрывает по возрасту всю длительность истории человеческой цивилизации. Он проделал путь от самого начала, от первой искорки. А раз так, то его можно использовать как незыблемую, базовую основу и конструировать модель мировоззрения для всего человечества. Гигантский дуб вырастает из крошечного семени жёлудя. Огромный кит формируется из клетки. Всё большое вырастает из малого. Мекка считалась когда-то неизвестным захолустьем на Востоке, а зародившийся там ислам покрыл половину мира. Малое имеет свойство превращаться в большое. Главное, чтобы это малое, пусть даже микроскопического уровня, сформулировать грамотно, привлекательно,

чтоб оно давало ответы на насущные вопросы современности, привносило в мир новый смысл, новую идею.

У ингушей не было революции классовых формаций, не было ни рабовладельческого, ни феодального, ни капиталистического строя в период развития. У наших предков был родообщинный уклад жизни. Но это не мешало ингушам тысячу лет назад возводить уникальные башенные комплексы. Тысячу лет назад!.. Мыслимо ли? Тысячу лет назад они поставили яркие танцы, создали уникальную культуру, этику, эстетику. Тысячу лет назад. А свобода духа, которая царила в ингушском обществе? Ингуш был абсолютно свободен. Свободен абсолютно! Род охранял неприкосновенность члена общины, но не ограничивал его свободу. Детей воспитывали в атмосфере нравственности, тотальной нравственности. Ингуш, чтобы быть ингушем, должен отвечать двум обязательным условиям: у него должен быть тейп – род, и он должен соблюдать Эздел (кодекс нравственности). Только в случае, когда эти два условия соблюдаются, – ты ингуш. Больше ограничений нет...

У древних ингушей был обычай: отец, воспитав сына в благородстве, объявлял ему:

– Иди и делай что хочешь!

Отец знал, переступить черту благородства, свершить нечто предосудительное сын не может – он самоограничен, самоподконтролен, он – сам себе Закон, предписание. Даже если ему разрешат совершить плохой поступок – он не в силах переступить через себя. Нравственный голос внутри него стоит на страже. Вечно. И на необитаемом острове, и среди людей, и в Назрани, и в Москве. Человека нужно привести к свободе... А чем она достигается? Нравственным совершенством. Тогда человек почувствует: Я – Государство! Я – Закон! Тогда сам Дух предоставит свободу человеку и провозгласит:

– Делай, человек, что хочешь! Твоя судьба перестает быть predetermined. Отныне Ты сам Творец. Творец своего счастья!

Да, приведя человека к нравственному совершенству, род предоставлял ему полную свободу. Древние ингуши не знали иерархии: над ними не было никого и под ними никого. Они не признавали ни подчинения, ни власти. В Ингушетии никогда не было князей, царей, рабов, батраков, крепостных, холопов, как на Руси, не было шамхалов, ханов, беков, как в Дагестане. И что получалось: богатый человек не мог обидеть ингуша ни укором, ни пренебрежительным поведением, ни видом чванливым... превосходство своё показать. На пьедестале вместо верховного правителя

возвышался Труд. Ингуши не приветствовали праздные шатания, лень, попрошайничество. Труд стоял так же высоко, как и понятие божества.

В том далёком обществе не происходило смены экономических формаций!..

Когда пришли коммунисты, стали изучать, их охватил страх: «Ингушский опыт подрывает великую теорию Маркса-Ленина, противоречит, не согласуется с ней. Значит, этого нет и быть не может». Империя стала извращать историю Ингушетии, чтобы оправдать свою политику, направленную на покорение Кавказа. Стояла задача: ни в коем случае не допустить попадание русских под обаяние кавказской культуры. А русские офицеры всё одно – предпочитали носить кавказские черкески, папахи, бурки. Толстой, Пушкин, Лермонтов – все писатели, кто побывал здесь, полюбили Кавказ. Они создали на основе кавказской тематики шедевры. Царское правительство, потом правительство Советской империи боялось духа свободолюбия, который шёл из Кавказа. Книги о Кавказе запрещали.²⁹ Греки тысячу лет назад называли Кавказ землёй Богов, а царское правительство пренебрежительно считало: «дикари». В чём их дикость? В том, что не хотят быть рабами, в том, что защищают свою свободу?³⁰ Сатрапы вцепились в крепостное право, пытаясь сохранить навечно... Никак не желали от него отказываться, пока не подпёрла история. Но история подпёрла.

Кавказ и сегодня рассматривают через кривое зеркало.

Взгляд на Кавказ извращён тотально, взгляд на наши обычаи, культуру, ментальность, историю. «На Кавказе кровная месть!» А что такое «кровная месть»? Кровная месть – институт справедливости.

Обиженный человек сам имел право решать: наказывать или миловать. Человек имел право на мщение. Ни подкуп судьи, ни статус обидчика не препятствовали возмездью.

Дело, переданное в суд, – шут, пляшущий на канате.

У древних ингушей был Совет Судей (Мехк Хел). Судьи эти не получали материальную плату – награда предполагалась несоизмеримо большая – «сий» – честь – для себя и тейпа. Мало кому из народов удалось достигнуть этой высшей формы демократии – коллегиальной и независимой судебной системы. Ингуши этот институт имели. (На Руси при крепостном праве мужика судили по капризу барина, и где дикость большая?) Ни одно

преступление у ингушей не оставалось нераскрытым. Присяга всё раскрывала. Смерть в обществе ингушей считали предпочтительней, чем «кьяр дун» – ложная клятва. Ингуши смерть всегда называли «цла ваглав» – вернулся домой. Планета всегда в космосе вместе с человеком.

Если скажут, что родовая организация находится на низшей стадии, то как тогда быть с Америкой? В США – клановая система: клан Кеннеди, клан Бушей, клан Ротшильдов, клан Рокфеллеров. А что такое клан? Та же родовая система. Что такое династии королей? Родовая система. Обратитесь с призывом к Европе, США: «Распустите кланы!» Вас на смех поднимут! Никто не распустит, даже слушать не станут.

В древности, если убивали представителя рода, крали невесту, – начиналась война со всем тейпом. Но тебе никто не запрещает родниться с ним, иметь дружеские отношения... Весь позитив открыт. Для негатива – хода нет. Всё. Точка. Община занималась охраной личности. Русские говорят: «Один в поле не воин!» Если человек один – он не защищён. Государство гарантировать справедливую защиту не может, потому как решать вопрос всегда будет чиновник, которому можно «сунуть в лапу». А род стоит на страже справедливого суда. Государство берёт на себя все функции, а дальше... как выйдет. Несерьёзно.

Коммунисты деформировали кавказские устои...

Они заявили: благородный человек должен быть уничтожен. Должны быть обезличенные массы, над ними – партийные функционеры. Любопытно русское слово «зависеть»: оно образовано от слова «висеть» – марионеткой управляет рука кукловода, дёргая за ниточки. «Благородных слоёв, благородного человека, благородных народов быть не должно!» «Их благородия» безжалостно уничтожили. Природа благородства, видишь ли, противна коммунистическому учению. Исключительно рабоче-крестьянская косточка, диктатура пролетариата и люмпенов.

А ведь по ингушскому учению, – вдумайся!.. По ингушскому учению «благородство» не является сословием или политическим классом. Человеческая сущность сама по себе благородна. Благородство ей предписано самим фактом божественного происхождения. Каждый человек, независимо от ремесла, профессии, образования, религии, цвета кожи, пола, обязан быть благородным. Каждый человек – не только аристократы. Благородство является сущностью человеческой природы, никак не природная дикость материального мира. Благородство – сущность духа. Ингушский Эздел обязателен к исполнению

всеми и каждым без исключения. Строишь ли ты башни, возделываешь землю, пасёшь ли скот – благородным быть обязан, если ты ингуш. Род требовал благородства тотально: от всех и каждого. Если ты поступаешь не по Эздел – значит, не по-ингушски. По-твоему, но не по-ингушски.

Во всём мире было иначе. Существовали тонкие привилегированные прослойки, которым благородство дозволялось: дворяне, самураи, рыцари – одно; холопы, рабы, крепостные, простолюдины – другое. Древние ингуши жили по принципам: «Свободу человеку, достигшему нравственного совершенства! Свободу обществу, организованному по законам нравственности!» Этика благородства тотально предписана всем и каждому. Это совсем другая концепция, совсем другой подход. Поэтому ингушская история, ингушский менталитет, ингушский образ мыслей, ингушский дух противоречили сперва царской, потом коммунистической империи. Ингушей расстреливали, сажали, ссылали, морили голодом, холодом, притесняли, гнобили, добиваясь верховенства своего понимания миропорядка. Сталинизм, как форма сатанизма, извращал всё ради идеологии и личной власти.

Что в итоге? Царизм пал, коммунизм пал. Ингушетия выжила.

Любая цивилизация, которая не проникнется целью, поставленной древними ингушами, – обречена на вымирание. Мир должен понять, что ингуши когда-то создали высочайшую цивилизацию духа на земле, положив в её основание нерушимые принципы. И если народы мира не начнут свою формацию обогатить за счёт неё, долго не протянут. Царская Россия рухнула, Советская Россия развалилась, и современная Россия неизбежно исчезнет с карты мира, если не воспользуется мудростью ингушей. И то, что придёт ей на смену, рухнет. Это неизбежно! Такой итог... печальный итог ждёт любую форму правления, пока в основание не будет положена нравственность и нравственность не станет главной целью общества. Неизбежный процесс! Никто не властен над ним. Примат закона Убеждения – не законов Принуждения. Общество должно управляться нравственным вердиктом. Принуждение лишь в случае, когда человек не понимает слова. Человек не должен испытывать страх, ему предписано испытывать стыд.

Это очень близко соседствует с глубинными истоками русских.

Именно русский народ определил: быть русским – значит быть человеком совести, правды. Всё остальное – не по-русски. Но коммунисты по

русскому народу прошли катком ещё сильнее, чем по другим. Геноцид практически уничтожил русскую интеллигенцию. Крепкого, зажиточного, мудрого крестьянина, который на хлеб намазывал масло, вырвали под корень.

Что означает фраза «народ перестал быть нравственным»?

Это значит, он перешёл в состояние стада. Его ценность ниже, чем у стада коров. Такой народ не имеет ценности для космоса. Древние считали: едой и питьём для духа является философия нравственности. Дух ест и пьёт философию нравственности в душе. Он приходит в душу, словно на водопой, как к кормушке за философией нравственности. Если источник высох, кормушка пуста, дух оставляет душу. Дух не покровительствует душе, пока она не выкажет уважения, почитания и не очистит свои помыслы и дела от примесей эгоизма, страстей, корысти.

Первые лучи восходящего солнца в первую очередь касаются вершин гор, лишь после достигают предгорий и долин. И там темно, пока Мир игнорирует потенциал ингушской культуры.

А самое неприятное заключается в том, что сказанное в полной мере касается нас.

Парадокс!

Мы отрекаемся от веры своих праотцов... уже отреклись.

Вместо Мехк Кхел – у нас шариат, вместо адатов – статьи Кодекса.

Это трагедия! С утратой своей религии, собственной философии ингуши перестали творить культуру – стали потребителями. Все религии призывают к одному – покорности. Сколько учёных таким образом пострадало, вспомните из истории: Джордано Бруно и Коперника сожгли на костре, Галилея заставили отречься от своих открытий.

*Где сила воли торжествует,
Там свет теснит инертный мрак.
Меж ними нет боёв и драк,
Мрак отступает и пасует.
Но часто воля, побеждая,
В мрак превращается сама,
От горделивости ума
Свой свет блистающий теряя.
Так дымом собственным порой
Огонь охвачен, вдруг теряет
И блеск, и яркость, и мерцает
Едва за той крошечной тьмой.³¹*

* * *

Я внимательно слушал Беслана и понимал: всё просто.

Действительно, его патриотичные, глубокие мысли зачастую парадоксальны, противоречивы: ингушский народ отказался от язычества и добровольно (это крайне важно!) принял другую веру – ислам; принял осознанно последним из всех народов планеты Земля; однако многие тезисы поэта никак не вписываются в жёсткую систему сур и аятов; возможно ли их примирить?.. Древние ингуши де-факто создали своеобразное государство без царя, без классов и каст, господ и рабов. Государство, верховная власть в котором принадлежала законам нравственности. Государство не имело своего названия. Я назвал бы его Государство Эздел – Государство Чести.

А тем временем жизнь, обезбашенная, летит вперёд...

Летит, сметая на своём пути империи, Союзы, правых, неправых. Сокращается – во всём мире! – количество языков, народностей. Происходит укрупнение капитала и религий. Процессы глобализации, урбанизации бесследно стирают грани между государствами... Есть ли на планете Земля место Государству Эздел? Государству, сами граждане которого отказались от индивидуальной застройки и давно живут в типовой многоэтажке? Как там у Малкина: «Дела пошли в гору, когда люди уже спускались».

Вопросы... вопросы... вопросы и загадки.

Но сколько бы загадок ни подкидывала нам жизнь, сколько бы вводных в течение дня ни поступало, ничто не мешает стремиться к соблюдению норм нравственности в жизни личной и общественной. Призыв Александра Солженицына «Жить не по лжи!» актуален и сегодня. Сохранить свою индивидуальность – во власти человека. И никто не в силах помешать человеку обращаться к Богу напрямую. Поддерживать с Богом в душе неразрывную связь.

А строки эти – просто первые капли будущего дождя.

МАМА

Хабарик

*Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.*

Сергей Михалков

Мама... При одном этом слове волна лучезарной нежности, доброты ласково окутывает меня.

Лишь теперь, когда ничего не исправить, не вернуть, я понимаю, что солнечные лучи, которыми она согревала меня, шли из её сердца...

*Я свяжу тебе жизнь
Из пушистых мохеровых ниток.
Я свяжу тебе жизнь,
Не солгу ни единой петли.
Я свяжу тебе жизнь,
Где узором по полю молитвы –
Пожелания счастья
В лучах настоящей любви.
Я свяжу тебе жизнь
Из весёлой меланжевой пряжи.
Я свяжу тебе жизнь
И потом от души подарю.
Где я нитки беру?
Никому никогда не признаюсь:
Чтоб связать тебе жизнь,
Я тайком распускаю свою.³²*

К жене Махмуда по-свойски заглянула соседка: похвастать новыми фото внучат, глянуть на писателя... Они расположились в тенистом дворике на диване.

– Можно и я посмотрю?

– Канэшно. Я вам и детей своих покажу.

Она нежно перелистывала страницы айфона, временами останавливаясь:

– Это моя сноха. Красивая, правда?

– Да, – миролюбиво соглашался я.

– Это младший сын: в охране работал, сделал напарнику замечание: «Не ходи в обуви по молитвенному коврику, нельзя». – «Это мне нельзя?» – «Никому». Поехали за селение, дрались. На другой день опять. Тот большой, мой невысокий, но сдаваться не хочет, достал пистолет и – в него.

– Насмерть? – учтиво поинтересовался я.

– Да не... Ногу прострелил, – она перелистнула страницу. – Эта девушка – дальняя родственница. Красивая? – она пытливо заглядывала мне в глаза.

– Да.

– Мы красивых любим... Это старший сын, сейчас отбывает наказание. В Москве учился, на экономическом. В комнате общежития ему не дали спокойно в тишине сделать намаз, завязалась драка... Их несколько, но он наказал всех! и вдобавок... – она деланно рассмеялась, – отрезал ухо одному. Пять лет дали. Режим строгий. Четыре уже отсидел, – с нескрываемой гордостью, будто о первом полёте человека на Марс, сообщила соседка. Лицо её светилось несказанной любовью и безграничным материнским счастьем.

МАТ В НЕСКОЛЬКО ХОДОВ

Малумат

Горячность продай, рассудительность купи.

Ингушская пословица

Кровная месть – один из брендов, один из ярких символов Ингушетии.

Институт наказания обидчика в частном порядке...

Обычай вендетты – кровной мести – не изобретение кавказцев. (Возможно, ингуши обидятся, но пальма первенства и в этом вопросе не принадлежит им.) Обычай кары существовал на Руси, в США, Европе... Много у него и сейчас сторонников и противников. Кавказ на сегодня едва ли не единственный заповедник, где принцип «зуб за зуб» распространяется на всех, кроме стоматолога. В этом отношении Кавказ впереди планеты всей!

Хусен Гелисханов, корреспондент газет «Ингушетия», «Вести Малгобека», задумался:

– Ненависть отравляет жизнь и самому человеку, и народу, источающему, вырабатывающему это ядовитое чувство. Пока не поймём, что все мы произошли от Адама и у нас общая мать – Ева, до тех пор люди будут уничтожать, истреблять друг друга. Ненависть ингуши погасить в себе не могут. Простить не могут. Желание отомстить выше всех других чувств – выше прощения, выше сострадания, выше любви. Это самое слабое место.

Но ведь нельзя жить ради мести.

Даже не желающему вражды её не избежать.

Нашего тейпа беда эта тоже коснулась: мой двоюродный брат убил одного из Яндиевых. Пойдёшь, бывало, на похороны или свадьбу и, перед тем как переступить порог дома, вызываешь хозяина, узнаёшь:

– Есть ли тут кто из Яндиевых? Могу ли войти?

Если там есть хоть один из его родственников – не имеешь права. Ждём, когда Яндиевы отгуляют, отпразднуют свадьбу, совершат все необходимые ритуалы на похоронах и разойдутся по домам... Тогда только прошмыгнёшь тенью... Боишься столкнуться с ними на базаре, на улице... Не то что они тебя убьют. Некрасиво. Неуважение проявляешь к человеку, к его горю: ты убил его брата и как ни в чём не бывало спокойно здороваешься.

– Но ведь не ты убил!

– Какая разница? Большим оскорблением считается.

С приходом к власти Юнус-Бека Евкурова практически положен конец этому старинному дедовскому обычаю и бабушкину обряду. Председатель примирительной комиссии Малгобетского района Алихан Муцольгов официально подтвердил этот факт. Алихана мне представили как человека, который «лично спас как минимум пятьдесят жизней»:

– По городу Малгобеку и Малгобекскому району состоит на учёте 30 кровников, а в целом по Ингушетии более 120 случаев непогашенной, тлеющей кровной мести.

Ингушский народный фольклор:

Потихоньку, не спеша,

Ингуш давит ингуша.

Бывает, вражда длится по сорок лет и более. Бывает, вроде не прощают кровника, примиряться не хотят и не мстят – назло кондуктору – чтобы над виновником всё время висел, как дамоклов меч – страх. Тогда посредники из числа уважаемых старейшин, имамы уговаривают самого уважаемого из тейпа пострадавшей, обиженной стороны. Просят ради Всевышнего простить канлы.³³

Оказывается, раньше, отвечая на кровную месть, старались завалить не обидчика, – тот зачастую пукался в бега, – а наиболее уважаемого представителя рода, чтоб досадить побольней. Брат матери – «наьна воша» – родственник второй по весу, по влиянию после отца. Если отца нет – сразу идут к нему. И предьяву делают ему. Его гибель компенсировала моральный ущерб полностью.

Как шахматные фигуры разнятся своим значением, так отличаются по иерархии родственники для ингуша: на первом месте дед отца, отец отца, сам отец – это неоспоримо. Это носители фамилии рода. Вторая по значению фигура после отца – брат матери. Если нет отца, именно он перед людьми за вас отвечает, решает все вопросы, утрясает конфликты, несёт всю ответственность:

кто благодарит – к нему, кто с претензиями – к нему. Он становится под удар. С хорошей, с плохой стороны... Всякое в жизни бывает. В щепетильной теме брат матери даже важнее, чем брат отца. Потом идут родные братья. В России если кого-нибудь убьют, никто из родственников мстить не пойдёт. Дела нет... В Ингушетии не так... Стоит один камень спихнуть, сразу – обвал... лавина пошла.

Я на секундочку представил: ежели б все ингуши неукоснительно соблюдали священный адат кровной мести, что тогда? Легко построил математическую модель развития сюжета по этому сценарию: один джигит убивает другого: $e_2 - e_4$; затем родственник из тейпа погибшего заставляет обидчика заплатить за содеянное собственной кровью. (В наличии два трупа, по одному с каждой стороны.) А дальше с каждым новым ходом число погибших удваивается. В математике это называется геометрической прогрессией.

Геометрическая прогрессия – последовательность чисел, членов прогрессии, в которой каждое последующее число, начиная со второго, получается из предыдущего умножением его на определённое число – знаменатель прогрессии.

2,4,8,16,32,64,128,256,512,1024,2048,4096,8192,
16384,32768,65536,131072,262144,524288...

Ингушей в республике проживает намного меньше.

К тому же не требуется вести отсчёт с нуля, задел уже сделан: 120 случаев кровной мести затались и ждут своего часа... Получается мат на двенадцатом ходу.

Чистая победа достанется последнему оставшемуся в живых ингушу. Но доставит ли она ему радость, принесёт ли счастье? Впрочем, «радость», «счастье» – слюнявые сантименты, которым нет места в ингушских скрижалях...

Эти слова-сорняки не из местного лексикона.

АНТИХИДЖАБ №1

Хабарик

Легче загасить искру, чем потушить пожар.

Ингушская пословица

Директору школы №3 г. Карабулака Лиди Гомкоркиевой я задал тот же вопрос, что и остальным своим собеседникам:

– Чем школа в Ингушетии отличается от среднестатистической школы страны?

– Тем, что на территории школы адаты тоже действуют: «уважение к старшим» – один из ключевых. У меня сестра – педагог, переехала в Новосибирскую область. По инерции устроилась в школу, но не смогла... Насмотрелась на разнузданность, своеволие детей, отношение их к педагогам... и не выдержала: отсутствие единой школьной формы, пьют в школе энергетические напитки, матерщина, прямо на уроке могут вести себя как угодно. Выдержала три дня! У нас дети себе такого поведения позволить не могут, у нас они все «под колпаком»! У нас ученики в массе своей – ингуши и чеченцы. Кругом городки беженцев: мы принимали детей в школу сколько могли! У наших ребят отношение к старшим, конечно, совсем другое.

А ещё школа в Ингушетии отличается национальным колоритом...

В десятом году произошёл щекотливый случай... Ещё по России не утвердили единую форму, а я завела порядок: школьная форма с первого дня. В обязательном порядке! И вдруг на 1 сентября приходит родительница завёрнутая и приводит в пятый класс дочку – вся-вся-вся будто куколка завёрнутая. И объявляет мне:

– Сама привела дочь, чтоб вы не придирались... Она так и будет ходить.

– У нас не медресе – светское учебное заведение. Зачем вы девочку закутали?... И так слабый ребёнок, а теперь вообще ничего на уроке слышать не будет.

– Меня муж прислал, просил передать: не потерял другого отношения.

– У нас ко всем детям нормальное отношение.

– Вы нарушаете Конституцию страны.

– В Конституции не прописаны шпильки, платки, тапочки, юбки, бантики... Есть ведомственный законодательный акт, отраслевой закон, где предписана единая школьная форма. У нас в республике такой закон разработали ещё при первом президенте Ингушетии – при Аушеве.

– Пойду в прокуратуру.

– Ваше право.

Разговора душевного не получилось, и поехало...

Наутро школу наводнили правозащитники, начались разборки, скандалы... А вечером пятого сентября во двор моего дома кинули гранату... Гром-грохот!.. осколки, гарь, дым, окна вдребезги... Я телевизор смотрела, сразу даже не поняла, что случилось. Выхожу во двор – воронка! ворота набок... Муж выбегает:

– Это твои!..

Боже, какой страх!.. У меня четверо детей... Кто бы знал, что тогда пережила.

Я прослыла в стране как «Антихиджаб №1». Сразу муфтият, звонки с исламских каналов Al Jazeera (Аль Джазира)... Из Москвы, за границы понаехали эмиссары.

Но я настояла на своём: «В школе должен быть порядок». Точка.

* * *

У ревностных защитников паранджи и нудистов-фанатиков, у пуритан и стилиг, у абреков и воспитанников балетной школы разные представления о «правильности» формы одежды, её «хорошести»... Разнятся суждения о том, можно заезжать в школу верхом на лошади или нет. И каждый из посетителей храма науки, включая лошадь, будет настаивать на своём понимании. Эти и много других вопросов ежедневно приходится решать каждому директору государственной общеобразовательной школы. Давайте пожелаем им мудрости.

Сейчас подумал: а вдруг прав Махмуд, предположив, что паранджа – акт девичьей безысходности, когда уже и макияж бессилён...

– Я бы учителям ставил памятники прижизненно.

– Согласен! – кивнул Махмуд, – даже на собственных детей порой не хватает нервов... Вчера брат спрашивает моего сына, третьеклассника:

– Как учишься? Покажи дневник!

Тот достаёт.

Дядя листает, листает, а там сплошь пятёрки, редко четвёрка проскочит.

– Да ты пай-мальчик, не къунах – не мужчина! Нет ни одной двойки.

Сын вспыхнул:

– Какой я къунах, ты узнаешь, когда увидишь второй дневник! – и достаёт из этого же ранца подлинник. Там тройки-двойки... Оказывается, он мне и маме, чтоб не расстраивать, подпихивал для ознакомления «представительский» вариант.

МУДРОСТЬ, ВОЗВЕДЁННАЯ В РАНГ

Хабар

Лучше иметь доброго пса, чем плохое потомство.

Ингушская пословица

Председатель Совета старейшин Ингушетии.

На такие посты не назначают за лояльность к власти, такую должность не купишь за отару овец, не получишь в наследство от отца. Предсе-

дателя Совета старейшин Ингушетии избирают коллегиально равные из равных, самые мудрые, авторитетные аксакалы. Председатель Совета старейшин в Ингушетии – Салман Опиев.

– Ему 94 года, – пояснил Махмуд.

– То есть древний старик?

– Старик... Не вздумай состязаться с ним в скорости: пока ты будешь пыхтеть у подножия, он уже покорит вершину, дихон.

Я притих.

– Однажды Салман спас первого президента Ингушетии Руслана Аушева. Тот был после ранения, река Асса течением сбила с ног и понесла. В советские годы Салман всю жизнь носил на поясе именной кинжал, а в кармане галифе – наган. За ношение оружия грозил тюремный срок. Так он что делал: каждое утро писал новое заявление о том, что нашёл пистолет на улице и в данный момент несёт сдавать его в милицию. Каждое утро старое заявление рвал – новое писал! Всю жизнь!.. Настоящий джигит!

Кому как, мне такой рекомендации для встречи хватило:

– Махмуд, зажигай!

* * *

Салман ждал нас и вышел встречать во двор. В бешмете, подпоясанном узким кавказским ремнём с серебряными бляшками, в высокой каракулевой папахе, в галифе, заправленными в хромовые, до блеска начищенные сапоги. Судя по стальному рукопожатию – крепкий джигит.

Я попросил его начать свой рассказ с происшествия на реке Асса.

– Да, было такое... Довелось в 1989 году спасти Героя России.

Асса у нас – река горная, своенравная. Она оплошностей не прощает. Её переходить нужно знать как. Руслан только по колено зашёл, водопад сбил его с ног, и течением понесло. Думаю, Аллах!.. Рванул по берегу, обогнал и, заскочив в воду, схватил за руку, подтащил... не успел он наглотаться воды. Я молодой тогда был – семидесяти не исполнилось. Потом долго смеялись, шутили...

Сосредоточенно уплетая блины с творогом, я помалкивал: в свои неполные пятьдесят два я чувствовал себя старбеном.

– Блины называются «чапенгишь» – наша излюбленная национальная еда, – тарелку с высокой стопкой выпечки Салман пододвинул ближе ко мне. – Вы кушайте спокойно, я вас ненадолго оставлю – намаз сделаю. Время пришло.

Он вернулся минут через десять, уже в домашней одежде.

– Соблюдаю все исламские традиции. Теперь можно. Теперь никто не запрещает. При коммунистах иначе... Я с детства решил: в коммунистическую партию не пойду. Помню, в конце двадцатых наши горцы обступили сельского муллу, интересуются: «Можно ли вступать в партию?» Щекотливый вопрос... Прямо агитировать не будешь: мол, не вступайте! (Свои же красные ингуши шлёпнут!) Я хорошо запомнил ответ:

– Вступайте, раз иначе нельзя, но, если ваше сердце, ваша душа пойдёт в партию – беда будет. Такой человек, считай, пропавший.

Все радостно загомонили:

– Ну раз так, вступим, главное – души-то у нас останутся чистыми.

Горцы потянулись к выходу из мечети, а мулла окликнул моего отца:

– Ахмед, подожди! – когда мы остались одни, он взял в руки Коран: – Ахмед, они пусть вступают, а ты не ходи. Я тебя очень люблю.

Как я услышал, на всю жизнь зарубил себе на носу эти слова. И сколько бы мне потом ни предлагали, а должности занимал серьёзные, неизменно отвечал одно и то же:

– Чувствую, пока не готов. Формально вступать не хочется, сначала нужно созреть политически, соответствовать этому высокому званию.

Секретарь райкома одно время настаивал: «Вступай!» На русском со мной говорил. На чеченском, ингушском тогда боялись – пришивали чуть ли не национализм, никакой не «салам алейкум» – здравствуй-здравствуй. Настаивал, но сделать ничего не мог. Ведь я отказывался мотивированно. Получалось, своим решением, серьёзным подходом партию даже возвышал. КПСС – это вам, понимаешь, не проходной двор, не сборище карьеристов. По всему выходило, я прав. А потом, в восьмидесятые годы, чтобы вступить, уже нужно было немного сунуть «на лапу», ввели разнарядку: на одного интеллигента – двух рабочих. От меня и вовсе отстали. В итоге коллектив у меня в подчинении – более трёхсот человек, крупная партийная организация, а я – беспартийный. Удалось, считай чудом, не запятнать свою душу. Помог Аллах. Аллах никогда не оставит в беде. Сейчас у нас появилось новое гнилое течение «ваххабизм». Заграничные эмиссары предпринимают попытки перечеркнуть вековые ингушские адаты, сбить нашу молодёжь с пути, привить своё... А что у них своё? Ничего. Всё чужое, чуждое нам. Расшатывают устои, для них слово старших – не автори-

тет. А кто должен заниматься воспитанием сына, если не отец? Отец обязан успокоить свою бешеную собаку сам, пока она не покусала других людей.

И в качестве весомого аргумента Салман положил на стол боевой револьвер.

– Раньше так носил, сейчас на оружие у меня официальное разрешение. Всё по закону. Патроны есть, самые боевые. Каждое утро кладу наган в карман с молитвой: «Дай Аллах, чтобы в меня никто не выстрелил и я ни в кого не выстрелил!» На ночь – под подушку... Потому что, ты сам знаешь, здесь Кавказ и мы должны быть готовы ко всему. Я не зря держу на видном, на самом почётном месте портрет Сулумбека Гаравожева. Это наш национальный герой, абрек. Обязательно про него прочитай, а я расскажу из его жизни лишь один эпизод. В апреле 1910 года он ограбил Кизлярский банк. Назрановский округ Терской области тогда возглавлял грузинский князь Андроников, он объявил, что если Сулумбек добровольно не сдастся, его родное село Сагопши будет уничтожено, жители сосланы. Помилования ему не обещали, но он дал согласие сдаться, если при казни его не повесят – расстреляют. Ему обещали. Весь город вывалил встречать Сулумбека. Ценою своей жизни он сохранил родное село от уничтожения, а его жителей от сибирской каторги. Но царские власти не сдержали слово, обманули и Сулумбека повесили. Кровь предков, которая течёт в наших жилах, – нам в помощь.

Да поможет нам Аллах!

Нам пора было и честь знать – убираться восвояси... Приближалось время очередного намаза. Мы тепло попрощались с гостеприимным хозяином, с семьёй. Когда сели в машину, Махмуд прикурил и жадно затянулся:

– Помнишь, он упомянул про «бешеную собаку», ответственность отца?

– Ну.

– Два года назад один из сыновей Салмана повадился ходить в мечеть к ваххабитам. Салман его строго-настрого предупредил: «Не ходи туда!» Слова не подействовали... Он вытащил револьвер и прострелил сыну ногу: «Ещё раз увижу, вторую пулю получишь в голову!»

Всё. Сын успокоился, занимается бизнесом, семьёй, ему уже не до джихада.

АБРЕКИ

Малумат

*Абреки сёла не основали.***Ингушская пословица**

*Шире улица раздайся,
Банда жуликов идёт!
Банда жуликов-мазуриков
Нигде не пропадет!*

Отношение к разбойникам в России традиционно восторженное.

Их имена присваивают ледоколам и улицам, о них слагают оды, снимают фильмы, пишут романы... Советские дети в школах из последних сил надрывались, налегали на учёбу, лишь бы именно их классу присвоили имя грабителя повесомей: Стеньки Разина или Емельки Пугачёва. Ведь красиво! А?! Рецидивисту Сталину едва простили учёбу в семинарии... Сколько пришлось ограбить банков, подломить сейфов, перерезать глоток, пока досадное пятно в биографии стало затираться. Тюрьмы и каторга по уровню образования у большевиков ценились много выше всяких там МГУ с оксфордами... Дедушка Ленин первым делом у соискателя на высокий государственный пост интересовался:

– Какой институт окончили, батенька?

Посвящённым было понятно: вождь мирового пролетариата интересуется, сколько лет человек на зоне «чалился», когда «откинулся». И сегодня биографии Мишки Япончика, Соньки Золотой Ручки, Котовского, Анки с Молдаванки знают лучше, чем конструктора космических ракет Сергея Павловича Королёва. (Он, кстати, тоже сидел...) Так – в России. Что тогда говорить про Ингушетию... Её и приняли в дружную семью советских народов только за высокие показатели в разбоях, грабежах, за удаль и мастерство в набегах. Уже само соседство казаков с ингушами, по мнению императора российского, «благоготорно влияло на военную выучку казачества». Абреки – те же воры в законе. И сегодня продвинутые родители вешают у изголовья детской кровати портрет абрека Сулумбека Гаравожева. Вам каждый бесштаный, согливый мальчуган объяснит:

– Насиональный гелой! Оглабил банк.

Это первые слова мальчишки в жизни. Он производит их раньше, чем «папа», «мама»...

Харон Саутиев показал фотографию легендарно-го предка:

– Мой дед Израил был очень мужественным. Он вырастил жеребца, которого все шугались. Когда

дед только заезжал на нём в село, уже из двора во двор в страхе передавали: «Люди, спасайтесь! Конь Израила здесь». Людей брыкал, кусал, топтал... А замечал деда – как тряпка стоял, до того боялся. Оседлать коня не удавалось никому. Дед, ещё до депортации, работал председателем колхоза «Красный Кескем». Однажды утром он ехал на своём жеребце в правление и встретил по дороге первого секретаря райкома с начальником милиции. Начальник милиции натянул повод, спрашивает у деда:

– Израил, почему твой конь хромает?

– Если правду говорить, вчера был за рекой, угнал оттуда скот.

– Об этом мне уже ночью сказали... Слушай, Израил, ты ведь председатель колхоза, у тебя и так всё есть. Зачем ещё воруюшь?

– Председатель я – во вторую очередь, в первую – кьунах!

Как в Греции юных спартанцев учили сперва воровать, потом уж говорить, читать, писать... Вайнах, если он настоящий, должен уметь украсть жеребца, умыкнуть невесту.

А ещё был у нас такой односельчанин Мавлий. Освободился он из тюрьмы: отсидел за хулиганство, пришёл на родину, вот токо-токо... Заглянул в рюмочную выпить с радости. Заказал стакан водки, закуску... И вдруг от соседнего столика отделяется незнакомец, бесцеремонно забирает его стакан с водкой... залпом выпивает. Мавлий обалдел, но виду не подал: решил обиду стерпеть: ему драка ни к чему, опять легавые, опять тюрьма – так никогда до дома не доберёшься. Заказывает второй стакан... А неугомонный незнакомец и его выпивает залпом.

Мавлий стиснул в кулак пальцы незнакомца с пустым стаканом и – в нос. Кровища потекла... он подставил под кровавую струйку стакан, нацедил – выпил, закусил и домой.

* * *

– Махмуд!

– Чего?

– Один ты не рассказываешь про разбой, грабежи. Непатриотично!

– А что рассказывать... Это как любовь. Настоящие мужчины об этом не рассказывают – этим занимаются. В славные девьяностые рэкёт расцвёл пышным цветом. За помощь в решении вопросов, за «крышевание» брали серьёзные проценты с тех, кому помогали, и с тех, у кого выбивали. У моего соседа взяли в долг и кинули – не отдают: месяц, другой, третий... Он идёт к крутому, авторитетному «челу», у того кликуха «Отвечаю».

- Помоги вернуть миллион! Собака не отдаёт.
- Сто тысяч вперёд.

Деваться некуда, отстёгивает бабки. Проходит неделя, разыскивает он «вышибалу»:

- Что-то не видать тебя... Как дела? Деньги вытряс?!
 - Слушай, ты меня сильно подвёл...
 - Что такое?
 - Такой плохой человек, такой грубый оказался. Я еле забрал у него своих сто. Остальные ты сам забирай!

Я тогда в Москве часто ошивался. Подруливает ко мне в гостиницу «Россия» знакомый чеченец Идрис на красной «четвёрке» – старой-престарой, не знаю, где взяли:

- Выручи деньгами.
- Сколько?
- Пятнадцать тысяч. Через два дня в Грозном верну миллион.

Пятнадцать тысяч – немалые деньги в конце восьмидесятых. Я помялся, прикинул... достаю. С ним ещё подельник. Они на мои деньги снимают офис в центре Москвы на один день, дают объявление во все газеты: «Фирма реализует со склада оптом видеоаппаратуру – камеры, видеодвойки, телевизоры...» – всё по-взрослому. Сидят, ждут. Я с ними, на подстраховке...

Приходят два русских парня:

- Техникой торгуете вы?
- Мы.
- Можно документы посмотреть?
- Да без проблем! – кипу им на стол. – Из Японии, прямая поставка, ещё не растаможено.
- А глянуть на неё можно?
- Канэшно.
- Как только убедимся, что техника на месте, отдаём вам авизо на всю сумму.

Идрис рыжий, ростом маленький, ещё глубже натянул бейсболку. На него посмотришь – классе в седьмом, не старше.

– Поехали.

Сторожу заранее забашляли:

– Если кто приедет, скажешь, аппаратура фирмы «Восток».

Один покупатель остался в офисе, на связи, другой с Идрисом на склад. Открывают ворота: склад под крышу забит техникой. Он связывается с напарником, тогда ведь телефоны с батон размером:

- Всё в норме. Техника на месте.
- Лады.

Делает звонок в банк, даёт поручение:

– На счёт... перегоните сумму. И сюда на факс, на этот номер пришлите копию платёжки.

– Ок!

На вечер у Идриса уже заказаны билеты на самолёт в Грозный – сваливают из Москвы. План у них расписан по минутам. И тут покупатель интересуется:

– Ребята, вы чеченцы?

У меня вмиг дрёма слетела, я с гордостью добавляю:

– И ещё ингуши...

– Вы нам не поможете за дополнительные бабки отогнать технику в Грозный?

Смотрю, у подельника Идриса челюсть отвисает, отвисает...

– А на хрена вам в Грозный?

– Хозяин, от кого мы работаем, тоже чеченец.

– Как фамилия?

– Сейчас познакомлю, через минуту он будет здесь.

Подъезжает шестисотый мерин, хозяин в дорогом прикиде... и тут Идрис нарисовался:

– Эти ребята, оказывается, ваши земляки.

Босс в офисе повёл жалом по сторонам, понюхал:

– Салам алейкум!

– Алейкум салам!

И на чеченском Идрису:

– Ты чеченец?

– Да.

– Техника «левая»?

– Само собой...

И тут «джи-жи»: вылезает из факса копия платёжки с отметкой об оплате на сто с лишним миллионов. Он улынулся:

– Ну тогда заберите эти деньги себе, они тоже левые.

Судя по всему, у чеченца-покупателя был план, и тоже расписанный по минутам. Я молчком, чё тут скажешь... пошлёпал в гостиницу. Вечером Идрис заваливает ко мне в номер, в дымину пьяный.

– Я понял, что в Грозный за деньгами мне спешить не нужно.

– Ты правильно поня-яял... Ик!

Спал он у меня в номере на полу, денег не было ни на гостиницу, ни на билеты до аэропорта. Ни копейки...

P.S.

Есть в истории абреков эпизод, за который им респект от всей творческой интеллигенции России: когда академик Дмитрий Лихачёв сидел в лагерях, именно благодаря двум ингушам он остался жив – заключенные проиграли его в карты, а спасли от издевательств и мучительной смерти глалгай.

ВОР

Хабарик

*Николай I –
сыну, будущему императору Александру II:
«Во всей России только ты да я не ворую».*

Однажды Махмуд поинтересовался: – Александр, какой у тебя самый любимый советский лозунг?

– ?.. Ну, я люблю сытно поесть, побаловаться пивком и на кухне повесил плакат: «Сегодня – рекорд! Завтра – норма!»

– Ты считаешь, этот призыв имеет отношение к потреблению пива?

– Прямое. А тебя какой слоган вдохновляет?

– Много достойных! Наверное, этот: «Твори, выдумывай, пробуй! Воруй, но не попадайся!» Если б ингуши не воровали, пожалуй, в ссылке не выжили. В Казахстане все выкручивались как могли. У казахов глаза – узкие щёлочки – раскрылись благодаря нам... Бабушка рассказывала: сосед увёл корову, а чтоб не опознали – кипятком распарил рога и выгнул в обратную сторону. Комендант с хозяйкой коровёнки пошли по дворам искать пропажу, казашка напротив своей бурёнки остановилась, ходит вокруг, нюхает. Комендант допытывается: «Эта?» – «Корова вроде моя, но рога не её». Александр, надеюсь, ты не собираешься писать только о примерных ингушах? Получится слащаво, гладко, неправдоподобно, дихон. Есть один интересный, колоритный человек. По роду своих занятий, по призванию – вор.

– Махмуд, зажигай быстрее!

– Спешка горцу необходима в трёх случаях: гостя накормить, умершего похоронить, сына женить. В остальных случаях нужно быть степенным, достойным, хладнокровным.

Вор...

Интересный персонаж.

Мой «сусанин» прав, как всегда! Негоже, если повествование выйдет приторно-сладким.

Так, следуя рекомендациям своего проводника, я познакомился с Ибрагимом Саутиевым.

И, доложу вам, не зря...

* * *

– В Ингушетии нет воров в законе, – любезно объяснял Ибрагим, – поскольку нет зон.

Если вор показал себя, проявил дух – его принимают в семью. В воровском мире нет религии, нет национальности, гражданства. В крытом режиме любые разногласия пресекаются на корню. Выше вора – только другой вор и Бог. Нельзя брать в руки оружие и вставать на чью-либо сторону... Даже если на твою Родину напал враг... В душе можешь переживать, но в руки автомат брать нельзя... ну никак. В руки взял оружие – уже «сука» получаешься. Вор должен воровать – у продажных людей, у чиновников, цеховиков, банкиров – и помогать бедным. Вором если станешь, нужно забыть про всё. С воров спрос особый... В «красной зоне» в Сегеже на семёрке мне ногу сломали, чтобы сотрудничал с администрацией: вступал в актив, вставал на должность, защемлял какого-нибудь бедолагу по их указке... Я был смотрящим на зоне и помогал зэкам чем мог. Меня уже собирались принять «в семью», всё шло к тому... я бы стал вором в законе, но... мать серьёзно приболела... Впала в кому, представь! Ей восемьдесят семь лет. И я решил: «Вернусь домой! Со всеми ребятами попрощался, извинился: «Мать бросить не могу!» Недавно она упала, вот уже пять месяцев лежит в постели. Я женился даже – матери ведь невестка нужна, ухаживать. И всё, я уже осел в Ингушетии. Для меня мать – святое.

Признаться, раньше я не слышал ничего подобного...

Даже вор ингушский и то оказался не таким, как все. Благородным! Ведь для человека, избравшего воровскую судьбу, – нет желания слаще, сокровеннее, чем быть коронованным авторитетом, получив вождя статус «вор в законе». Как бы объяснить попроще... Ну это примерно, как для нас с вами в советские времена отказаться от мандата депутата Верховного Совета и присвоения звания «Герой Социалистического Труда». Для Ибрагима мать оказалась важнее, чем возможность достичь самого верха в воровском мире... Для вора ингушского мать – понятие святое.

*И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.³⁴*

МАХМУД ЗАЖИГАЕТ

*О чём писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты...*

Михаил Лермонтов

Махмуд пошире открыл окно: – Ты извини, у меня в машине накурено... Сам-то не куришь?

– Нет.

– А я вот курю. Пагубная привычка. По исламу строго запрещено, но никак не могу отвыкнуть... На людях не балуюсь, только в машине. Иногда знакомый встретится на дороге, всё потом выведывает: «Ты разве куришь, Махмуд?» – «Нет. Зубы болели, горячий дым во рту держал». Пока так выкручиваюсь... Надо бросать. Да если б не братья... придурки! Обстоятельства так сложились, Александр, из-за братьев и закурил.

– Как это из-за братьев?..

– Да там история такая, дихон... Когда СССР рушился, появилась возможность заниматься бизнесом. Я купил в Нальчике десять тонн подсолнечного масла и повёз на КамАЗе в Казахстан продавать. Денег тогда живых в обороте практически не ходило – всё шло по бартеру: ты мне – я тебе. Даже анекдот был такой: «Дважды два сколько?» – «Зависит от формы оплаты: наличкой – три, по безналу – шесть, бартером – восемь». Такие тогда времена...

На птицефабрике директор предложил мне в обмен гречку. Беру гречку, везу в Нижний Новгород, там продаю за наличку. Куш получился хороший... С этими деньгами – назад в Казахстан, а директор, кореец, Цой Николай Иванович, за наличку продукцию отпускать запретил. Цой этот заказал себе в Санкт-Петербурге служебную «Вольво». В Москве в салоне она стоила двадцать две тысячи долларов, ему подписались за гречку и мясо на сумму в сорок четыре тысячи отдать её по бартеру. И поставщик ООО «Глория» его кинул. Продукты забрали – машину не отдают. Я сидел в приёмной, дверь в кабинет приоткрыта, и всё слышал... Захожу в кабинет, он как увидел меня, в психе смахнул бумаги со стола:

– Ты опять? Я же сказал: гречку не продам.

– Николай Иванович, дихон, я не за тем... Могу услугу вам оказать.

– Какую ещё услугу?..

– Случайно слышал разговор... Могу поехать в Питер и забрать машину.

Задумался, глазки забежали: до этого посылал туда водителя с юристом, питерские бандюганы

их отметили. – С одним условием, хоть тонн десять крупы продайте, чтобы не кататься по-рожняком.

– Лады.

Загружаю гречку, рассчитываюсь, гоню на Питер через Нижний, там гречку продаю – опять куш. Приезжаю в Питер, нахожу контору этой ООО «Глории», представляюсь:

– Из Казахстана, нам бы машину забрать...

Директор, не проронив ни слова, нажимает кнопку вызова: заходят две «торпеды», молча под руки меня подняли, вынесли в коридор и предупредили:

– В двадцать четыре часа, если не смоешься из города, ноги вырвем.

Думаю, на кой хрен мне чужие проблемы? Рассчитался я с водителем КамАЗа, купил билет на поезд, взял пивка и – в гостиницу до вечера. Сижу, фисташки грызу, пивко потягиваю, на душе волнение постепенно улеглось, тревога исчезла, благодать... Я ещё пивка... Раздухарился, осмелел... Душа стала пятачком. Думаю, Махмуд-Махмуд, как тебе не стыдно!.. Джигит ты или не джигит, ингуш или не ингуш. Подумаешь, какие-то громилы пригрозили, и сразу – в кусты?! Завожу себя, завожу... Всё: чувствую – опять орёл. Еду на дом к этому директору «Глории», он сам открывает, я его за грудки, с ним в прихожую, перерезаю ножом телефонный провод и ему нежно так доверительно сообщаю:

– Если завтра машину не отдашь, с тобой будут разговаривать другие ребята.

Сам на вокзал, сдал билет и – в гостиницу на телефон. Звоню брату в Назрань, продиктовал ему номер:

– ...Только не по коду звони – через межгород, чтобы, козлина, знал, откуда звонок, спроси мягко: приезжал ли представитель из Казахстана? И дай срок решить вопрос до утра.

Второй звонок сделал в Грозный – младшему брату, поручил то же самое, только с интервалом в час. И сам опять – за пивко.

Ночью звонок из Казахстана, Николай Иванович в трубку смеётся:

– Звонил директор «Глории», обижался, зачем я натравил на него чеченскую мафию.

Что ты думаешь, Александр, к девяти утра машина – муха не сидела! – оформленная, со всеми бумагами стояла у окна. И всё культурно, без грубостей... Оказывается, даже в Питере умеют общаться культурно. (Хотя сразу и не подумаешь...) Пригнал я в Казахстан эту нулёвую «Вольво» чёрного цвета, встречали меня всей конторой. Встречали как героя! Николай Иванович при всех

обнял, – а здание конторы стояло на взгорке, на краю посёлка, – он рукой так широко над домами провёл:

– Тебе, ингуш, разрешаю осеменять всех женщин этого посёлка!

Он устроил меня в санаторий «Майбалык» для женщин, страдающих бесплодием, дал денег, и я куролесил-гулял на полном его обеспечении месяца. Через неделю в гости ко мне приехал брат... Как уви-ииндел... что там творится, сразу за телефон и... – все голодные ингуши-ханжи потянулись ко мне, будто в хадж. Чуть с ума с ними не сошёл... Идиоты. Вот тогда, дихон, я первый раз и закурил. Ночью из санатория отправился пешком за десять километров в посёлок, постучался в ближайший дом, п-поп-росил сигарет. Трясло всего, не мог успокоиться...

Даже сейчас...

Меня все уже знали, дали четыре «Астры»: две скурил прямо на месте, две по дороге назад. Нет, думаю, пора уезжать. Николай Иванович на прощанье загрузил бесплатно тридцать тонн гречи, я вытащил из КПЗ своих оболтусов, и мы вернулись на родину.

Окончание в следующем номере

Примечания

¹ Хабар – рассказ, молва, слух.

² Степан Балакин.

³ Игорь Губерман.

⁴ Галг'ай (ингуш.) люди башен – самоназвание ингушей.

⁵ Дихон (Дий хьона – ингуш.) понимаешь – присказка Махмуда.

⁶ Малумат (араб.) – сообщение; сведение, заметка.

⁷ Буро – древнее ингушское название Владикавказа.

⁸ Ахки-юрт – село Сунжа – село в Пригородном районе Северной Осетии-Алании.

⁹ Ангушт – село на юге Пригородного района, осетины называли его Тарским.

¹⁰ Сергей Есенин.

¹¹ Книга признаков Судного дня, рая и ада. Хадисы 2785 – 2821. 24 – (2788) Салим ибн 'Абдуллах (ибн 'Умар) передал, что Ибн 'Умар сказал: «В День воскресения Всемогущий и Великий Аллах свернёт (все) небеса, потом схватит их правой рукой, а потом скажет: «Я – Царь, а где же могущественные? Где высокомерные?» Потом Он свернёт (все) земли левой рукой, а потом скажет: «Я – Царь, а где же могущественные? Где высокомерные?» Этот хадис передали аль-Бухари 7412, Муслим 2788, Абу Дауд 4732, Ибн Маджах 198, Ибн Абу 'Асым 547.

¹² «Гимн мифу». Беслан Кокархоев.

¹³ Ильф Илья и Петров Евгений.

¹⁴ Евгений Евтушенко.

¹⁵ Эдуард Багрицкий.

¹⁶ 30 апреля 1991 года «Комитет по спасению сунженских казаков» обратился к руководству страны с требованием «Принять незамедлительные и действенные меры по ограждению казачьего и славяноязычного населения Сунженского района Чечено-Ингушской республики от националистически настроенных ингушских экстремистов». Википедия: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Троицкая_\(Ингушетия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Троицкая_(Ингушетия)).

¹⁷ Михаил Зощенко.

¹⁸ 31 октября 1992 года «Сердало» в №124 (8221) публикует «Обращение в комитет по правам человека Организации Объединённых Наций» с просьбой о помощи и поддержке (копии были направлены Президенту Российской Федерации, председателю Верховного Совета РФ, полномочному представителю Верховного Совета РФ в Ингушской Республике и представителю Президента РФ в Ингушской Республике). Но тоже услышаны не были...

¹⁹ Якуб Патиев. «Сталин продолжает убивать».

²⁰ Я вспомнил, как воспринимался мой приезд в горных аулах Дагестана... В страшные 90-е русские оттуда тоже бежали сломя голову, кто успел... В Казбековском районе женщина, смущаясь, подошла ко мне и робко спросила: «Вы правда из России?» – «Да». – «Можно вас потрогать?» В Бежтинском районе пограничный наряд тщательно проверил все мои документы, полчаса не прошло – летят на уязике обратно: повторная проверка. Я старшему наряда задаю резонный вопрос: «Товарищ лейтенант, какие-то проблемы?» Он помолчал и нехотя выдал: «Если бы вы видели сейчас себя со стороны, вы ж тут как Дед Мороз летом...»

²¹ Шота Руставели.

²² Материал из Википедии – свободной энциклопедии: «В 2005 году новое руководство Ингушетии во главе с президентом Муратом Зязиковым решило, что Гимн Ингушетии излишне агрессивен и не отражает «стремление народа к миру, созиданию, добрососедским отношениям», и утвердило новый вариант гимна на стихи ингушского поэта Саида Чакхиева. В 2005 – 2008 гг. попытки руководства республики ввести новый гимн не увенчались успехом. Текст первого гимна оказался под запретом, но музыку исполнять разрешали. Гимн со словами можно было услышать только на концертах ингушских музыкальных групп в Москве и других городах России. Запрещённая песня быстро обрела невероятную популярность среди молодёжи. В Интернете можно было даже найти рок-обработки гимна. Популярность и значимость первого Гимна Ингушетии были признаны новым руководством республики во главе с Юнус-Беком Евкуровым и вскоре было принято решение о возврате первого Гимна Ингушетии. 7 декабря 2010 года Конституционным Законом РИ был утверждён Гимн Ингушетии с первоначальными стихами Рамзана Цурова и музыкой Руслана Зангиева».

²³ Г.К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. Грозный, 1962, стр.68.

²⁴ «В августе 1918 года, когда казаки и осетины овладели Владикавказом, ингуши своим вмешательством спасли Терский Совет комиссаров». Генерал-лейтенант А.И. Деникин. «Очерки русской смуты». 1925, т. IV, с. 97-98, 112, 122.

²⁵ «Варлам Шаламов. Опыт юноши». Режиссер: Павел Печенкин.

²⁶ Виктор Астафьев. «Нет мне ответа... Эпистолярный дневник».

²⁷ Ахи (собств.) – собственный жанр литературного творчества, противоположный причитаниям, воплям, плачу, в котором автора перехлёстывают эмоции исключительно восторженные.

²⁸ Сергей Довлатов.

²⁹ Действительно, есть немало вопросов. Кто не знает романиста Александра Дюма? Все мы выросли на его восхитительных романах «Три мушкетёра», «Граф Монте-Кристо»!.. Чудо! Восторг! Приключение... Для современной молодёжи проведу аналогию: как многие подростки готовы расстаться с одной из почек, лишь бы приобрести «огрызок» – айфон, такой же ажиотаж, такая же страсть влекла нас, чтобы хоть глазком увидеть, хотя бы подержать роман... за ночь проглотить. Так вот Дюма... Гениальный романист написал ещё книгу «Кавказ». А чтобы написать её, в 1858 году проехал по всему Дагестану, из края в край, по Грузии, по Абхазии, которая тогда называлась Грузией... Собрал уникальный материал и откровенно поведал на страницах об увиденном в Российской империи. Три тома его впечатлений от поездки были изданы во Франции, естественно, на французском языке. С лёгкой руки царских цензоров публикацию книги в полном объёме в России запретили, издали на русском лишь окромсаный, кастрированный вариант авторского текста,

пересыпанного желчными комментариями-упрёками редактора. Издали в Тифлисе... Сменилась в Российской империи власть, свергли душителей свободы, кровопийц-капиталистов, но и власть советскую книга буржуа Дюма «Кавказ» не заинтересовала. Потом и Советская власть приказала долго жить... Лишь спустя 125 лет (!), в 1988 году, «Кавказ» издали на русском языке полным вариантом, но опять не в России – вновь в Грузии... Только осенью 2014 года я смог добыть запретную книгу и ознакомиться с ней. А я ещё что-то говорю про себя...

³⁰ «Народы, учитесь у горцев, на что способны люди, желающие остаться свободными». Карл Маркс.

³¹ Беслан Кокархоев.

³² Валентина Беляева.

³³ Канлы – кровник – у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей.

³⁴ Сергей Есенин.

Александр Викторович КОСТЮНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Прозаик, публицист.

Автор трех книг прозы.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И. Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

